

**Институт
нового индустриального развития
(ИНИР)**

**РОССИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
БУДУЩЕЕ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО
МАТЕРИАЛЬНОГО
ПРОИЗВОДСТВА**

**Материалы заседания Научного совета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
по разработке современной
экономической теории и российской
модели социально-экономического
развития (5 июня 2014 года)**

**Санкт-Петербург
2014 г.**

Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / Материалы заседания Научного совета МГУ им. М.В. Ломоносова по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития. Москва, Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 5 июня 2014 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) (под общ. ред. С.Д. Бодрунова) / СПб.: ИНИР, 2014. – 91 с.

ISBN 978-5-00020-021-6

**© Институт нового
индустриального
развития (ИНИР),
2014**

**Состав Научного совета
МГУ им. М.В. Ломоносова
по разработке современной экономической теории
и российской модели
социально-экономического развития**

Пороховский Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета (**Председатель**);

Тутов Леонид Арнольдович, доктор философских наук, профессор, заместитель декана экономического факультета (**Заместитель председателя**);

Покрытан Павел Анатольевич, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета (**Ученый секретарь**).

Члены Научного совета

Андрюшин Сергей Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН (по согласованию);

Антипина Ольга Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Аузан Александр Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета, член Экономического совета при Президенте РФ;

Бузгалин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Вереникин Алексей Олегович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Гринберг Руслан Семенович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики РАН, заведующий кафедрой социально-экономических проблем экономического факультета;

Дроздов Виктор Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета;

Дунаев Эрнест Павлович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник лаборатории рыночной экономики экономического факультета;

Дынкин Александр Александрович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института мировой экономики и международных отношений РАН, заведующий кафедрой политэкономических проблем современного капитализма экономического факультета, член Экономического совета при Президенте РФ;

Зяблюк Римма Трофимовна, доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории проблем собственности экономического факультета;

Кадомцева Светлана Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Караваева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН (по согласованию);

Каширин Валентин Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории рыночной экономики экономического факультета;

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, заведующий лабораторией рыночной экономики экономического факультета;

Кульков Виктор Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Куманин Георгий Михайлович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета;

Макаров Валерий Леонидович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Центрального экономико-математического института РАН, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ;

Некипелов Александр Дмитриевич, академик, вице-президент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Московской школы экономики МГУ;

Никифоров Александр Алексеевич, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Осипов Юрий Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра общественных наук МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета;

Платонов Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета;

Погребинская Вера Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета;

Покидченко Михаил Георгиевич, доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета;

Розинский Иван Анатольевич, доктор экономических наук, старший вице-президент ОАО Банк «ВТБ» (по согласованию);

Рубе Вера Андреевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Сидорович Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор, директор филиала МГУ в г. Астана (Казахстан);

Сорокин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Хандруев Александр Андреевич, доктор экономических наук, профессор, первый вице-президент Ассоциации региональных банков России (по согласованию);

Хубиев Кайсын Азретович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета;

Худокормов Александр Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета;

Черковец Виктор Никитич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, главный научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета;

Чибриков Георгий Георгиевич, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета, лауреат премии Правительства РФ;

Шаститко Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета, член экспертного совета Минэкономразвития РФ.

Приглашённые участники заседания Научного совета

Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Макроэкономика» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ»;

Бондаренко Валентина Михайловна, кандидат экономических наук, директор Международного фонда Н.Д. Кондратьева, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН, действительный член РАЕН; действительный член Международной академии исследований будущего;

Касаев Борис Султанович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Маркетинг и логистика» ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ»;

Мореева Евгения Львовна, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета экономики, статистики и информатики;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией № 67 Института проблем управления РАН;

Савченко Поль Вячеславович, доктор экономических наук, профессор ИЭ РАН, главный научный сотрудник Центра институтов государственного регулирования и гражданского общества;

Слепаков Сергей Семенович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления на предприятии ФГОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», филиал в Пятигорске;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор ИЭ РАН, ведущий научный сотрудник Центра исследования реального сектора экономики;

Рязанов Виктор Тимофеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ;

Федорова Мария Николаевна, доктор экономических наук, профессор ИЭ РАН, ведущий научный сотрудник Центра институтов государственного регулирования и гражданского общества;

Цаголов Георгий Николаевич, доктор экономических наук, профессор Международного университета в Москве;

Губанов Сергей Семенович, доктор экономических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Экономист».

**Стенограмма заседания
Научного совета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
по разработке современной экономической теории
и российской
модели социально-экономического развития**

Заседание Научного совета МГУ проводится на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

5 июня 2014г. Начало: 18.00. Модератор заседания – заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., проф. Пороховский Анатолий Александрович.

Модератор: Уважаемые коллеги! Сегодня заседание нашего Научного совета посвящается исследованию вопроса роли индустриального развития в формировании российской модели социально-экономического развития. Тема, как мы понимаем, актуальная, даже очень. В стране есть специалисты по такой тематике, и даже отдельные научные коллективы. Мы сегодня пригласили выступить с основным докладом Сергея Дмитриевича Бодрунова, директора Института нового индустриального развития из Санкт-Петербурга. Его институт занимается проблемами модернизации промышленности, экономики – через промышленность, и уже не один год. Очень интересно посмотреть, как видят эту проблему наши коллеги из Северной столицы, так сказать. У Сергея Дмитриевича доклад «Новая индустриализация и модернизация экономической системы России», примерно на полчаса. Мы накануне заседания совета получили материал от Института нового индустриального развития, разослали членам совета для ознакомления, и некоторые члены совета заявили сегодня оппонировать по этому научному докладу. Только прошу, уважаемые коллеги, сегодня очень жарко, в аудитории кондиционера нету – хоть окна раскрыты, но все равно очень душно, поэтому прошу быть предельно конкретными. Тем более что записавшихся много, тема интересная. И она хорошо «ложится» на готовящийся юбилей нашей кафедры, о чем я, наверное, все-таки скажу, подводя итоги. Прошу Вас, Сергей Дмитриевич!

С.Д. Бодрунов: Спасибо, Анатолий Александрович!

Уважаемые члены Научного совета! Уважаемые коллеги! От имени коллектива Института нового индустриального развития я благодарю вас за возможность представить на этом заседании некоторые результаты нашей научно-исследовательской деятельности последних лет.

В своем выступлении сегодня я хотел бы, с вашего позволения, затронуть отдельные вопросы, которыми занимается наш институт – обоснования необходимости и исследования различных аспектов проведения в России политики приоритетного развития сферы материального производства и новой индустриализации.

Нет нужды подробно говорить о том состоянии, в котором находится сегодня российская экономика.

Сейчас перед экономическим сообществом и нашими политическими властями вновь стоит и, я бы сказал, возрастающе актуализируется задача поиска уже не просто новой модели экономического роста, но – шире – **новой экономической доктрины России**. В начале февраля известный российский экономист Владимир Мау заявил, что «пока нет оснований говорить о формировании доминирующей экономической доктрины». Могу согласиться с ним лишь частично – в окончательном, комплексном и закреплённом виде такая доктрина пока еще не сформулирована. Но я не соглашусь с уважаемым Владимиром Александровичем в той части его утверждения, что *не имеется оснований* для формирования этой самой доминирующей экономической доктрины.

Почему? Для начала попытаемся понять, почему, несмотря на наличие у нас многих серьезных преимуществ, мы сейчас балансируем на грани рецессии.

Конечно, факторов, влияющих на ситуацию, много. Институт нового индустриального развития имеет на это собственную точку зрения. Я готов утверждать, что нынешняя рецессия в значительной степени является следствием глубокой деиндустриализации нашей экономики.

Как показывает мировая история, деиндустриализация всегда ведет к экономическому застою и характеризуется многими чертами, так сказать, с приставкой «де»:

- дезорганизация процесса производства (снижение уровня организации производства и управления производством);

- деградация применяемых технологий (падение технологического уровня производства);

- деквалификация труда в производстве;

- декомплицирование (упрощение) продукта производства.

И неотделимыми следствиями при этом становятся:

- дестабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний;

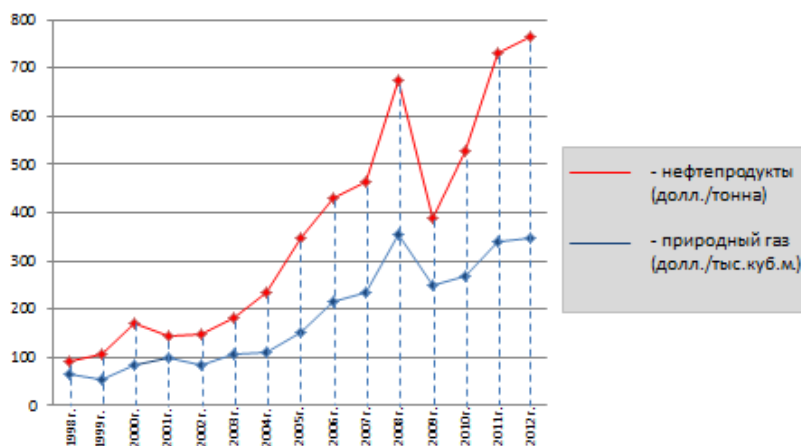
- дезинтеграция промышленных структур и связей, и многие другие «де».

И опыт России подтверждает данный тезис.

В чем состоит наш опыт, например, 1990-х? Очевидно – в осознании глубочайших негативных экономических и социально-политических последствий развала хозяйственных связей, в первую очередь – дезинтеграции промышленной, производственной кооперации.

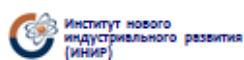
Напомню, что тогда, в конце 1990-х, в недрах Министерства экономики стали формироваться различные стратегии и концепции т.н. «реструктуризации» и «развития» отраслей промышленности – авиационной, ОПК и т.п. Нам – специалистам, готовившим эту платформу (я несколько был к сему причастен), было ясно, что восстановить экономику можно было только через реналаживание производственной кооперации в рамках новой политики, экономики, географии, демографии и т.д. Т.е. речь шла об институциональной перестройке промышленности и модернизации технологической базы при сохранении базовой роли промышленности в экономике. После кризиса 1998-1999гг. задачи, «прописанные» в этих документах, стали еще более актуальными. И когда в начале 2000-х на Россию посыпался «золотой дождь» возросших доходов от экспорта углеводородов (прошу слайд 5, начнем с него) – замечу, если за 1990-е годы в Россию поступило около 200 млрд. долларов США, то за 2000-е – около 2 трлн. долларов! – появилась надежда на реализацию этих решений.

Рост стоимости нефтепродуктов и природного газа

Однако в начале 2000-х годов произошла фактическая смена парадигмы экономического развития и подмена разработанной и принятой к реализации модели экономического роста. Вместо намечавшегося перехода к «экономике предложения» мы фактически стали развивать «экономику спроса» на экспортно-сырьевой базе. И в этом состоит печальный опыт 2000-х.

Куда же пошли основные доходы?

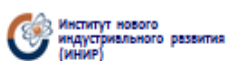

Слайд 6

Средняя заработная плата госслужащих в России (тыс.руб.)					
2000 год		2010 год	2011 год	2012 год	2013 год
2,52	→	60,0	62,6	72,1	98,4
		в 23,8 раза	4,3%	15,3%	36,5%
(к предыдущему году)					
Средняя заработная плата в целом по экономике в России (тыс.руб.)					
2,37	→	20,7	23,0	26,4	30,0
		в 8,73 раза	14,5%	14,8%	13,6%
(к предыдущему году)					

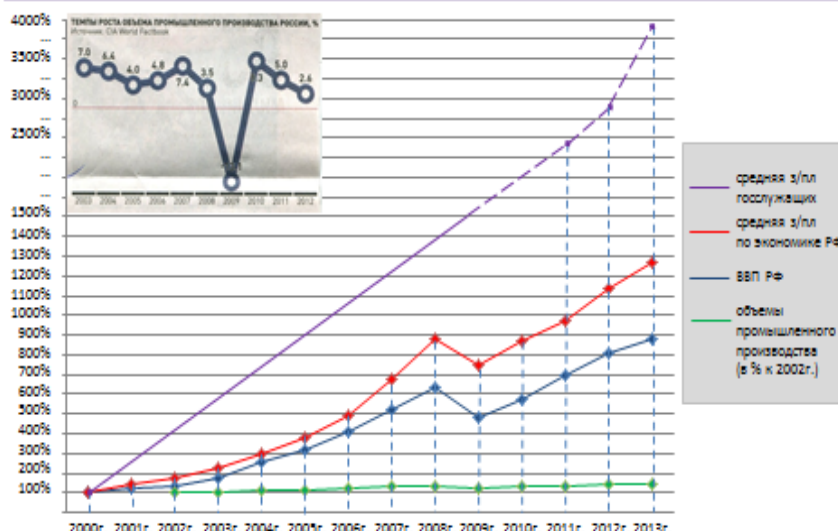
Источник: Росстат, ИНИР.

В основном – на проедание. Началась безудержная гонка повышения зарплат в бюджетном секторе – конечно, в первую очередь и в разы – чиновничеству всех уровней (взгляните вот на слайд 6). Она повлекла за собой быстрое «подтягивание» зарплат и в коммерческих секторах экономики без сопровождения этого процесса увеличением создания соответствующего количества и соответствующего качества материальных благ, что хорошо видно из этих данных, представленных на слайде 7.

Слайд 7

Динамика ВВП, объемов промышленного производства и средней з/пл

Источник: Росстат, МЭР РФ, ИНИР.

При этом возрастающие доходы населения (дайте десятый слайд), естественно, направлялись во все большей степени на приобретение импортных товаров, которые все более стремительно вытесняли отечественную продукцию, что еще больше ухудшало состояние промышленных активов из-за все возрастающего недостатка средств на реновацию производственных мощностей и продукции. Все это вело к замыканию «деиндустриализационного» круга, который, как воронка, тащил экономику России, под флером радужных макроэкономических показателей, в омут будущей (сегодняшней!) стагнации.

Результат – то, что мы сейчас имеем. Очевидно, что продолжение такой экономической политики – я называю ее **политикой направленной деиндустриализации** – становится все более опасным. Уже даже Президент заявил, что сохранение подобной ситуации – это – угроза нашей национальной безопасности, что ныне действующая экономическая модель российского общества себя исчерпала, необходим переход к новой модели экономического роста и развития российского общества в целом.

Представляется, что механизмом решения этой задачи (слайд), *базовой парадигмой* развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее **реиндустриализация**, а *главной целью реиндустриализации*, или «новой индустриализации» (иногда применяется термин «неоиндустриализация») как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты и приоритетное развитие материального производства и, шире, – реального сектора экономики на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России.

Безусловно, проведение такого рода политики требует глубоких сдвигов как в ментальности значительной части научной, управленческой, предпринимательской элиты, так и в структуре экономики, поэтому соответствующие разработки и рекомендации требуют серьезного теоретического и методологического обоснования.

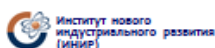
Основополагающие теоретические результаты нашей работы в этой сфере представлены в письменном докладе, который вы, надеюсь, получили по предварительной рассылке. Кроме того, экземпляры доклада мы раздали вам сегодня.

Поэтому, чтобы сэкономить время, я лишь коротко, тезисно представлю вам ключевые позиции доклада, возможно, кое-где их комментируя, и остановлюсь на некоторых важных моментах, не вошедших в доклад в силу его формата.

Итак, в докладе показано, *во-первых*, что для оценки возможностей и путей развития в нашей стране реального производства, базирующегося на высоких технологиях, необходим

анализ специфических особенностей российской экономической системы. (Дайте, пожалуйста, слайд №15. Спасибо).

Отмечу, пользуясь случаем, что в этом вопросе мы творчески учли разработки ученых МГУ, Института экономики Российской академии наук, ряда других научных и научно-образовательных центров России.

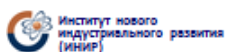

Слайд 15

Исследование российской экономической системы предполагает:

- системный подход, необходимость поиска новой модели (А.А.Пороховский, Д.Е.Сорокин);
- учет цивилизационной специфики России (В.М.Кульков, Ю.М.Осипов);
- понимание трансформационного характера российской экономики (Р.С.Гринберг, А.В.Бузгалин)

В докладе представлена некая авторская версия наших выводов, касающихся:
– структуры российской экономической системы,
– возможностей проведения новой индустриализации,
– и – тех изменений в экономической политике, которые позволят реализовать этот курс.

Слайд 16

Будущее российской экономики требует:

- проведения реиндустриализации и приоритетного развития материального производства (С.Ю.Глазьев, С.Д.Бодрунов);
- ускоренного развития науки и потенциала человека (Б.С.Кашин, О.Н.Смолин);
- преодоления неэффективности институтов (А.А.Аузан)

Это (да, слайд 16) – некоторые результаты как моей личной исследовательской деятельности, так и работы моих коллег по институту последних лет. Они, конечно же, не возникли, как говорится, из «ничего», базируются на исследованиях многих российских и зарубежных авторов и критически обобщают работы многих коллег – прежде всего, директора Института экономики РАН и научного руководителя нашего института Руслана Семеновича Гринберга, академика Сергея Юрьевича Глазьева и ряда других высоких специалистов. Судя по работам некоторых членов Ученого совета МГУ, с которыми мы неплохо знакомы, – и в ваших исследованиях, уважаемые коллеги, имеются сходные

выводы, что, собственно говоря, и привело меня сегодня к вам, поскольку в нашей профессиональной научной деятельности весьма ценно критическое совместное осмысление научных наработок.

Итак, здесь мы исходим из следующих положений.

Во-первых мы, как я только что сказал, считаем необходимым положить в основу новой модели экономического роста России ***опережающее развитие современного материального производства на базе высоких технологий***. Это технологии, типичные как минимум для 4-го и, в основном, для 5-го технологических укладов. Очевидно, что развитие этих производств должно быть обеспечено научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками и высококвалифицированными кадрами.

Во-вторых, мы уверены, что проведение новой индустриализации в нашей стране возможно только при максимально полном учете цивилизационной специфики России.

В-третьих, экономическая политика, реализующая этот курс, должна выработываться при тщательном анализе реальной структуры и противоречий существующей в России экономической системы.

Наконец, построение рекомендаций на будущее должно принимать во внимание тот факт, что в трансформационных экономиках политика и идеология оказывают существенное влияние на реализацию тех или иных экономических стратегий. Мы исходим из того, что реальная реиндустриализация страны невозможна без изменения институциональной среды, в которой функционирует отечественная промышленность.

Теперь обратимся к специфике экономической системы постсоветской России – подчеркну – в части, важной для нашего анализа.

При анализе этой специфики мы, отталкиваясь от вышесказанного, исходим из необходимости выделения *трех уровней* исследования:

- первый – технологические уклады;
- второй – экономические отношения и институты;
- третий – цивилизационные особенности России.

Такой подход позволяет выделить ***три подсистемы экономической системы России***.

Первая подсистема – *традиционно-консервативная*. Она, соответственно указанным трем уровням, включает:

- первое – традиционно важные для нашей страны отрасли, во многом основанные на раннеиндустриальных технологических укладах, включающие большую долю ручного и маломеханизированного труда;
- второе – рыночные отношения, обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальности, клановости, государственно-бюрократического патернализма и протекционизма;
- третье – некоторые традиционные черты российской ментальности, тяготеющие к идеологии консерватизма.

Вторая реально существующая в современной России подсистема – *либерально-рыночная*. Для этой подсистемы характерны:

- первое – преимущественно сборочные производства, являющиеся во многих случаях филиалами транснациональных корпораций; в отраслевом разрезе эта подсистема включает в себя по преимуществу торговлю, сервис, финансы, другие сферы посредничества;
- второе – отношения и институты капиталистического рынка, специфика которых обусловлена как тем, что Джордж Сорос и Руслан Гринберг называют «рыночным фундаментализмом», так и российской спецификой;

- третье – они, эти отношения и институты, опираются преимущественно на либерально-западническую идеологию и соответствующие традиции ведения бизнеса.

Третья подсистема – она фактически сейчас находится в стадии формирования – это *ростки будущей новой смешанной российской экономики*, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства. Эта подсистема предполагает качественное преодоление основных пороков советского прошлого (дефицит, бюрократизм, уравниловку), при креативном переосмыслении и использовании позитивного опыта советской экономической системы и сохраняющихся до сих пор ее достижений в российской экономике; эта тенденция уже отчасти реализуется в таких сферах, как военно-промышленный комплекс, возрождающаяся аэрокосмическая промышленность, атомное машиностроение и др.

Эта рождающаяся подсистема частью уже включает, частью должна включать:

- первое – высокотехнологичные производства, характерные для 5-го и частью 6-го технологических укладов, а также кластеры, объединяющие производство, науку и образование, и др. формы современной организации производства;

- второе – программирование рыночного хозяйства, активную промышленную политику, государственно-частное партнерство и тому подобные смешанные формы хозяйства; все это позволит интегрировать преимущества рынка и государственного регулирования;

- третье – идеологию и политику, которая возьмет все лучшее из специфики российского и советского опыта и менталитета, для которых были характерны конкуренция талантов, солидарность, определенное сопряжение не только эгоистических, но и общих для страны интересов.

Итак, при таком подходе можно констатировать – в экономике России существуют три разнокачественные подсистемы, которые тесно интегрированы и переплетены друг с другом. Практически все регионы, все крупные хозяйственные комплексы включают элементы всех трех подсистем. Таково реальное положение дел, что несложно проиллюстрировать при помощи хорошо известной статистики.

Сказанное, безусловно, не означает, что перспективы российской экономической системы должны быть связаны исключительно с развитием третьей из выделенных нами подсистем. Существенные коррекции необходимы во всех блоках российской экономики.

В связи с этим выделим *ключевые задачи развития применительно к трем названным выше подсистемам*.

Первая подсистема. Здесь необходимы:

- снижение издержек производства – в первую очередь, в машиностроении, в аграрном и топливно-сырьевом секторах;

- резкое повышение инновационной активности в этих секторах с тем, чтобы обеспечить необходимую базу («подпорную стенку») для двух остальных подсистем плюс гарантировать устойчивость экономики и экономическую безопасность;

- использование во благо модернизации позитивной компоненты патриархальных и консервативных традиций, предотвращающих чрезмерное забегание вперед, и могущую сыграть некую стабилизирующую роль.

Для модификации второй подсистемы целесообразно:

- осуществить восстановление на новой технологичной базе отечественного массового поточного производства (естественно в суботраслях, востребованных рынком);

- повысить доступность для бизнеса кредитно-финансовых, страховых и прочих услуг (особенно важно обеспечить «длинные» и «дешевые» деньги для промышленности, где инновационные и инвестиционные циклы существенно длиннее, чем в других сферах экономики);

- провести решительные институциональные и, в приоритете, – антикоррупционные реформы, что будет способствовать развитию справедливой конкурентной среды.

Ну и, наконец, как мы уже отметили, российская экономика характеризуется пока лишь *зачатками третьей подсистемы*. Однако именно она, базируясь на мобилизации интеллектуального и социального капитала нации, должна обеспечить реализацию позитивных функций первых двух подсистем, в частности, через формирование инновационной среды. Только в такой среде возможна эффективная политика реиндустриализации и развития реального сектора экономики. Для этого необходимы многие системные изменения, о которых неоднократно и мы, и институты РАН, и ученые «университетской» школы уже и писали, и говорили.

Приведенные выше размышления, касающиеся специфики экономической системы России, позволяют сформулировать определенные выводы в отношении *перспектив развития высокотехнологичного сектора материального производства и тех требований, которые эти задачи предъявляют к целям и средствам формирования модели будущей экономической системы России*.

К их числу мы бы отнесли:

- **в области, так сказать, координации** – разработку и реализацию долгосрочных программ и среднесрочных индикативных планов, проведение активной промышленной политики; это не только не затормозит развитие рыночной инициативы, но и будет ей способствовать, обеспечивая государственную поддержку наиболее современных и передовых отечественных производств и тормозя паразитическое посредничество и неадекватную экспансию ТНК в российскую экономику;

- **в сфере отношений собственности** – развитие крупных государственно-частных корпораций, ориентированных на интеграцию высокотехнологичного производства, науки и образования плюс поддержка кооперирующегося с ними малого и среднего бизнеса, особенно – инновационного (здесь я бы в некоей мере солидаризовался с профессором С.С. Губановым, его, так сказать, мысль привожу на этом слайде, номер 29);

Институт нового индустриального развития (ИНИР) Слайд 29

Задачи развития высокотехнологичного сектора материального производства

«Вначале надо интегрировать науку, образование и промышленность в корпорациях, наладить системное взаимодействие, выведенное на конечные результаты и конкурентоспособность. В общем, только через неоиндустриализацию России, только в процессе крупных неоиндустриальных свершений, ... а никак иначе».

С.С. Губанов, гл. редактор журнала «Экономист»

- **в сфере финансов** – реорганизация налогообложения и кредитования реального сектора, особенно – высокотехнологичного, в целях обеспечения стимулирования развития этих отраслей и их инновационного потенциала.

Все эти параметры легко могут быть конкретизированы в виде некоторого набора программных ориентиров экономической политики, что уже отчасти проделано в работах и нашего института, и экспертами Московского экономического форума, группами исследователей под руководством академика С.Ю. Глазьева, учеными, публикующими материалы по проблемам неоиндустриализации в журнале «Экономист» и другими специалистами. Кратко, некоторые ключевые вещи – на этом слайде, №30.

	Е.М.Примаков, член Президиума РАН, руководитель Центра ситуационного анализа РАН: «... основные черты новой реиндустриализации: диверсификация структуры экономики в сторону повышения в ней доли обрабатывающей промышленности, обеспечение этого процесса трудовыми ресурсами соответствующей квалификации, модернизация финансовой системы страны под нужды реиндустриализации...»
	С.Ю. Глазьев, советник президента РФ: «Мы имеем сегодня крах либеральной теории, либеральной утопии – совершенно ложного взгляда на то, как устроен мир и что нужно делать»
	Р.С. Гринберг, директор Института экономики РАН: «России предстоит использовать все возможности для восстановления своего научно-технического потенциала и развития новых высокотехнологичных отраслей промышленности»
	А.В.Бузгалин, гл. редактор журнала «Альтернативы»: «Главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функции государства. Пора ставить вопрос превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития»
	С.Д. Бодрунов, директор ИНИР: «Именно новая индустриализация экономики... должна стать стержнем, приоритетом нашей новой экономической доктрины»

Учитывая недостаток времени, я не буду на этом останавливаться, как и на многих других вопросах – как теоретических, так и практических, – связанных с реализацией политики реиндустриализации. Кое-что, возможно, те, кто интересуется подробностями, смогут найти в научном докладе, представленном в марте прошлого года Научно-экспертному Совету при Председателе Совета Федерации (наш институт подготовил его совместно с ИЭ РАН, и мне приятно сообщить, что руководителем Рабочей группы по подготовке этого доклада был наш коллега, член-корреспондент РАН Дмитрий Евгеньевич Сорокин). Более подробно я осветил эти вопросы в моих докладах на Круглом столе ВЭО России, состоявшемся в декабре прошлого года (он издан ВЭО), и на недавнем Московском экономическом форуме. И, наконец, более широко – в трудах (книгах, статьях) сотрудников нашего института (мы по запросу предоставляем всем желающим эти материалы).

Результаты этих исследований (привожу их сейчас без аргументации) позволяют сделать следующие выводы.

Первое: налицо необходимость реиндустриализации нашей экономики и приоритетного развития сферы материального производства.

Второе: у нас, несмотря на многие ограничения и риски, есть ресурс для проведения реиндустриализации.

Третье: ситуация в мировой экономике дает нам сейчас шанс провести реиндустриализацию успешно, а политическая ситуация, собственно, уже требует этого от нас.

Четвертое: существует общественно-политический консенсус (и поддержка, наконец, государства!) по данному вопросу.

Полагаясь на эти выводы, Институт нового индустриального развития выдвигает стратегию реиндустриализации и приоритетного развития реального сектора российской экономики – в том смысле и на тех условиях, о которых я сказал выше – в качестве доминанты нашей экономической доктрины будущего периода. Спасибо.

А.А. Пороховский: Дорогие коллеги, мы, когда готовили наше заседание, пригласили коллег из разных организаций для участия в выступлениях. И я хотел бы сейчас объявить тех, кто получил уже заранее материалы заседания и готов выступить. В том числе – Рязанов Виктор Тимофеевич, который является заведующим кафедрой экономической теории экономического факультета СПбГУ. Он прибыл специально для участия в нашей работе. Пришли к нам на заседание главный редактор журнала «Экономист» Сергей Семёнович Губанов, Георгий Николаевич Цаголов, а также наши коллеги по кафедре Александр Иванович Московский и Виктор Михайлович Кульков. Это те, кто заранее заявили желание выступить. Сейчас я прошу высказаться Виктора Тимофеевича Рязанова.

В.Т. Рязанов: Прежде всего, я хочу поблагодарить за приглашение принять участие в заседании Научного совета, тем более что вопросы, которые сегодня вынесены, действительно очень важны и для экономической науки, и для хозяйственной практики. Что касается представленного доклада – прежде всего, я хотел бы сказать, что в принципе две главные идеи, которые в нем содержатся, а именно – *необходимость использования системного подхода в анализе хозяйственной деятельности* и также *проблема проведения неоиндустриализации*, я их полностью поддерживаю.

И в этом смысле не оппонирую докладчику, а просто хотел бы дополнить в чём-то, с чем-то, может быть, и не согласиться, поскольку действительно проблема требует достаточно серьезного анализа, и здесь вопросов немало.

В своем коротком выступлении попытаюсь сказать две главные вещи.

Первая – посвященная идее *системности*. Хотя она сейчас не очень прозвучала, но она в докладе присутствует. Это очень важно, потому что действительно системный подход хорошо известен и очень всегда красиво описывается, но его очень трудно реализовывать на самом деле. И должен сказать, что в данном докладе мы примерно сталкиваемся с той же самой проблемой. Правильно поставлена задача!

А вот как это в жизни реализуется, здесь возникают вопросы.

Первый вопрос, который в этой связи возникает: если мы используем системный подход, что же собой представляет российская экономическая система? В контексте доклада в принципе есть традиционная формулировка переходной экономики, и она дополняется некоторыми достаточно очевидными вещами. Я думаю, что уже сегодня *только так и следует характеризовать экономическую систему России*, но – уже недостаточно, поскольку многие из задач переходного периода уже решены, и мы уже в общем-то имеем некоторое новое качество, которое и более содержательно раскрывает именно системный характер нашей экономической системы. И в данном случае я не претендую на ее широкое освещение, просто хочу обозначить, что фактически то, что представляет собой сегодня российская экономическая система, система «периферийного» капитализма, – это система в другом варианте экспортно-сырьевой модели экономики, и, собственно, отсюда и возникает проблема – а является ли это системой, строго говоря, если понимать под системой целостность взаимосвязанных её элементов? И здесь первое, что я обозначу – я думаю, вы это хорошо себе представляете – то, что на самом деле наша экономика, можно сказать условно, двухсистемная, а точнее сказать – двухсекторная, потому что есть экспортно-сырьевой сектор экономики, который включен в мировую хозяйственную систему, и есть еще остатки «внутриориентированные», которые более-менее работают внутри страны, формируя хоть какой-то свой внутренний рынок, и в известном смысле представляет некие свои, хотя и искаженные, но всё-таки системные качества. Я думаю, что это очень важно, если мы говорим о необходимости системного подхода. Так вот – главная проблема с этой стороны – это восстановление системности нашей экономики как внутренне организованного производственного цикла.

Второе. Мне бы хотелось, может быть, немного и поспорить по поводу еще одной стороны, мне кажется, очень важной в понимании системности. Это – *проблема производственной деятельности*, поскольку именно производственное целое – это и есть прообраз системного характера экономики. И если мы рассматриваем на

воспроизводственном уровне цикл «производство – потребление», то это и есть система. Она и должна таким образом анализироваться, как-то в докладе на это не обращено внимание. Я полагаю, что именно здесь как раз и заключены очень важные и существенные характеристики того, что мы можем обозначить как системное качество российской экономики.

Понятно, что еще много других возникает вопросов, потому что системные качества – это очень сложная сама по себе характеристика, требующая весьма основательного анализа. Поэтому я хочу перейти ко *второму* вопросу, поскольку он – может быть, в меньшей степени – имеет такое теоретическое значение, но – очень важное с точки зрения практики: по поводу *неоиндустриализации*.

И здесь – первое, что нужно сказать, это то, что, согласен, действительно новая индустриализация или неоиндустриализация назрела. И один из её главных мотивов, помимо того, что было уже сказано совершенно правильно – это именно восстановление целостности экономики, восстановление воспроизводственного целого нашей российской экономики. И это тоже как раз тот мостик, который позволяет нам перейти от такой теоретической трактовки системности к пониманию системных начал в самом хозяйственном процессе, в самой хозяйственной деятельности.

Второе в этой связи, на что я хотел бы обратить внимание – это проблема взаимосвязи – как она обозначена в докладе – «техносферы» и «экономики».

И здесь тоже есть две вещи, которые, мне кажется, требуют определенного прояснения.

С одной стороны, понятно, что в конечном счёте новая индустриализация потому и новая, что предполагает воспроизводство новых технологий, высоких технологий в связи с тем, чтобы именно на этой основе осуществить процесс индустриализации – восстановления вот этой воспроизводственной целостности нашей экономики. Но здесь возникают вопросы, связанные с тем, что можно обозначить как «высокотехнологичный детерминизм», насколько на самом деле этот вариант решения данной проблемы реализован. И в этой связи я на что хотел бы обратить ваше внимание – если мы посмотрим на проблему, связанную с решением вот такой конечной цели – осуществление новой индустриализации, то нужно иметь в виду две важнейшие функции, которые в процессе этой реализации должны решаться. Первое – значит, НТП создает новые продукты, новые рынки, тем самым расширяя совокупный спрос, создает необходимую основу для последующего экономического роста. Но есть еще и вторая функция, которую тоже нужно иметь в виду. Дело в том, что НТП должен обеспечить сокращение издержек и, тем самым, – повышение прибыли. Повышение прибыли, имею в виду – повышение массы прибыли, и что еще тоже немаловажно – удержание (а по возможности – и повышение) нормы прибыли. Именно со второй задачей, если мы посмотрим на историю хозяйственного развития на примере наиболее продвинутых и развитых экономик, мы как раз и сталкиваемся. С весьма существенной проблемой! Достаточно сослаться на ту информационно-цифровую революцию, которая происходила с 80-х годов и вплоть до начала XXI-го века. Что мы видим? Мы видим, что на этой волне, которая действительно изменила облик производства, появились новые товары, все мы владеем этими новыми продуктами, рынки расширились действительно, это обеспечено. Но как с точки зрения второй функции? Вот я приведу несколько цифр, которые очень хорошо и наглядно иллюстрируют эту ситуацию – данные по американской экономике. Если мы посмотрим на прибыльность обрабатывающей промышленности США с 1990-го по 2005 год, то норма рентабельности находится в пределах 3,2-5,4, то есть рентабельность мизерная. Это означает, что эти технологии не пришли в производство, потому что только придя в производство, совершенствуя производство, экономя традиционные издержки, можно обеспечить расширение прибыли и увеличение нормы прибыли. Но важно и то, что даже производительность труда не получила повышенную динамику. Опять же приведу данные по американской экономике. Если мы возьмем период с 1891-го по 1972-й год, то среднегодовое повышение производительности в американской промышленности – 2,33. Если мы посмотрим периоды вот этой последней

волны технологической, она сократилась: рост производительности – 1,38 – за 1972-1996-й годы, то есть в годы развертывания информационной революции, а последние годы, с 2004-го по 2012-й, она стала еще ниже – среднегодовая производительность труда – 1,33. О чем это говорит? Это говорит о том, что ах – вот эти высокие технологии! Мы все находимся в ажиотаже по поводу их возможностей, а для производства они играют весьма незначительную роль. А почему не играют? А потому что они не пришли в производство. Они – единственное, что смогли сделать (и, кстати, как раз американская статистика показывает, где повысились прибыли и, условно, – производительность), – финансовый сектор. Вот там действительно за счёт внедрения этих технологий в сферу финансов удалось обеспечить повышение эффективности финансовой деятельности.

Каким образом американский капитал и капитал развитых стран решил эту проблему? Он нашёл способ решения. Он просто перевел это производство в Китай и другие страны и за счёт этого смог компенсировать падение нормы прибыли и обеспечить повышение своих доходов, своих прибылей. Поэтому, собственно говоря, вывод отсюда какой? Действительно высокие технологии важны для экономики, но – не любые, а только в том случае, если они действительно преобразуют производство, имея в виду и саму технологию производства, управленческую сферу и т.д. Только в этом случае мы можем говорить об эффективности высоких технологий, и вот здесь, конечно, возникают достаточно большие проблемы, и не только применительно к американской и западной экономике, но и, в не меньшей степени, применительно к российской экономике.

Самое главное отличие и самая главная проблема, которые стоят на пути новой индустриализации в России – это отсутствие спроса на инвестиции, в отличие от экономик развитых стран, где спрос есть. И вот это, конечно, очень важная проблема. Как ее решить? Для этого должна не просто ставиться проблема новой индустриализации, но нам надо и искать пути, как сформировать спрос на инновации в самой сфере производства.

А.А. Пороховский: Слово Сергею Семёновичу Губанову – Главному редактору журнала «Экономист» и автору многочисленных работ по затронутой тематике.

С.С. Губанов: Прежде всего, я, как и докладчик, должен отметить, что дело консолидации экономического сообщества на позициях неоиндустриальной парадигмы и адекватного системного подхода – это сегодня актуально с учётом и внешнеполитической, и экономической ситуации.

Вы знаете, что происходит с темпами, с динамикой экономической. Итак, верно, что консолидация на такой позиции очень важна. Но при этом мне кажется, нам все-таки нужно очень тщательно придерживаться заявленных постулатов. И если речь идет об экономической системе, то критерии, употребляемые при этом, должны быть содержательными, в полном соответствии с тем, что принимает экономическая наука. Вот когда я посмотрел библиографию доклада, то меня очень удивило, что сделан некий селективный подбор литературы, в каком-то отношении университетская школа МГУ представлена, в какой-то мере – разработки Института экономики, но ведь очень много работ, посвященных системному кризису, хозяйственной системе пореформенной России имеются и в других университетских центрах. Это и Питерский университет, это и ФИНЭК, это и Томский университет, это и Новосибирский университет, это и Ижевский университет. То есть вся вот эта библиография достаточно обширная, посвященная анализу реформенной экономической системы, она в чем-то выпала. И это стабильно сужает, конечно, концептуальную сторону доклада. Я бы пожелал всё-таки, если речь идет об обращении к системному подходу, оперировать и этой литературой.

Второй момент. Приведенная литература в принципе хороша, но – примерно к событиям 10-15 - летней давности, она уже давно устарела. Мы сегодня совершенно в полном согласии констатируем наличие системного кризиса в России. Я сделал просто подборку по нашей литературе существующих постановок. Первая постановка, которой нет в докладе – экономическая система России сейчас суверенна, «квасисуверенна» или вообще не

суверенна? Имеет смысл такая постановка вопроса? Имеет. Актуальна? Она актуальна. И в различных степенях, аспектах и преломлениях она отражена. Завтра Центр Сулакшина в Центральном доме журналиста организует обширную конференцию по суверенитету России. Там эта тематика будет звучать, здесь её нет. Мне кажется, что, говоря об экономической системе России, её специфике, надо «плясать» еще и от системного кризиса. И когда мы говорим о деиндустриализации, то это – первое проявление системного кризиса. Когда мы говорим о том, что внутренний фонд накопления без учёта импорта техники практически обеспечивает только суженное воспроизводство – это проявление системного кризиса. Когда в России реализуется модель низкооплачиваемой рабочей силы, т.е. дешёвой рабочей силы, да еще дешёвая рабочая сила подается как конкурентный признак России – это, извините, кризис не только в головах, но это и проявление системного кризиса. Потому что нам надо идти к модели дорогостоящей квалифицированной рабочей силы, а ведь инвестиционный потенциал зависит от того, какой уровень зарплаты, потому что любые инвестиции – это замещение трудоемкого капиталоемким. Думаю, и эту классику надо бы провести в докладе, если заниматься системным подходом, т.е. любой системный подход ассоциируется с аксиоматикой, прежде всего. По этой аксиоматике классификация систем очень простая. Общая теория систем: упадочная система, система развивающаяся и система зрелая. Я задаю простой вопрос: а экономическая система России в её национальной специфике к чему относится? К упадочной? К расцветающей? К зрелой? Извините, коллеги, если говорить о системном подходе, надо где-то и эти вопросы ставить. А если мы трансформируем это в категории классической политэкономии, то мы перейдем к следующей классификации. Мы должны поставить вопрос: а система воспроизводства сегодня в России какая? Расширенное, простое воспроизводство или суженное – какое оно? По внутренним условиям – расширенное только на бумаге. А если мы проанализируем? Я приведу вам простой пример. Норма чистого накопления – 7-8%, реальная инфляция – 8%. Достаточно одного арифметического действия, чтобы понять, что через год у нас есть та самая инвестиционная пауза. Так ведь? Ну, помните статью в «Вопросах экономики» 2009 года?

Вот эти вопросы должны громче звучать и, естественно, быть оцифрованными. Самое главное, к чему сейчас мы за последнее время пришли – Сергей Дмитриевич присутствовал на конференции, которую в октябре мы проводили, – там прозвучала тоже его интересная классификация такая, авторская. Экономические системы современности делятся на высшие, низшие и средние. Какой критерий? А критерий – степень интеграции, централизации и концентрации производительного капитала. Так вот, возникает вопрос – экономическая система России сегодняшняя к какому порядку принадлежит? Высшему или низшему? Ответ – к низшему. Почему? Это дезинтегрированная экономическая система, вот тоже и Виктор Тимофеевич правильно говорил, что самая главная задача – это обеспечить целостность системы. А целостность – это интеграция системы, это повышение степени ее централизации, концентрации, производительного капитала – вот в чем главная, так сказать, проблема. Нам надо *преодолеть дезинтеграцию* добычи сырья, индустриально-технологической переработки сырья, а это, хотим или не хотим, значит – надо *заниматься формированием технологических цепочек добавленной стоимости*. Вот в чём проблема. Вот эта специфика, мне кажется, тоже в докладе как-то должна быть.

Доклад, насколько я понимаю, будет ещё подрабатываться. Вот поэтому я думаю, что и эти моменты должны найти там достойное отражение.

И вот еще, вернусь. Исходя из авторской постановки – что экономические системы бывают высшими, низшими и средними, я задаю тоже достаточно актуальный вопрос: а у кого сегодня системное преимущество? У России над ее геополитическими конкурентами или, наоборот, у геополитических конкурентов над Россией? Здесь нам есть над чем задуматься? Несомненно. А если мы еще выводим наши постановки и на такой вот уровень обобщения? Я думаю, что мы еще плохо пользуемся системными подходами, – мы должны очень чётко понимать, что сегодня системного преимущества России над геополитическими конкурентами нет, есть противоположная ситуация. И вот эту системную асимметрию нам необходимо как можно быстрее сломать.

Любая экономическая система – это система экономических интересов и стимулов. Вот сегодня экономическая система существующая, пореформенная какой интерес обслуживает? Это что, интересы всех субъектов экономической деятельности, начиная с субъектов труда? Да ничего подобного, это узкие олигархические интересы. Эта экономическая система исторически бесперспективна. И если мы не приводим такой констатации, как отправного пункта для установки новой экономической системы, значит, наша постановка как минимум недостаточна. Я думаю, что надо ставить вопрос об экономической системе, настроенной на социальные интересы.

Ну и заключительный, так сказать, момент – *очень важны внутренние противоречия даже самой передовой экономической системы.* Вот посмотрите, регулятор воспроизводства классический – это норма прибыли. Но в 30-е годы в качестве ответа на великую депрессию был найден другой критерий: что целевой фонд воспроизводства – это вся вновь созданная стоимость, то есть добавленная стоимость, включая зарплату. И вот возникает вопрос: как интегрировать микроуровень, нацеленный на норму прибыли, с регулятором нормы прибыли, с макроуровнем, где – добавленная стоимость? А постановка вопроса о полной занятости, как вы понимаете, органически связана именно с категорией добавленной стоимости. Это уже фундаментальный теоретический вопрос, он имеет свое решение, он сейчас обсуждается, то есть я думаю, что при обращении к вопросу об экономической системе России нужно учесть вот эти актуализированные аспекты.

Пожелаю разработчикам продолжить их работу в этом направлении. Я очень рад, что ими активно поддерживаются идеи новой индустриализации, и я думаю, что ИНИР и экономический факультет МГУ – это неслучайный контакт, не единичный контакт, а, может быть, здесь вырастет и такое более долговременное сотрудничество, чему бы я был очень рад. Спасибо.

А.А. Пороховский: Прошу, Георгий Николаевич Цаголов.

Г.Н. Цаголов: Я хорошо знаком с трудами Сергея Дмитриевича. Дело в том, что по ВЭО нас судьба часто сталкивает. Кроме того, я хочу сказать, что я ознакомился с фундаментальным трудом Сергея Дмитриевича о новой индустриализации – он не только директор института, он – автор капитального труда, и это – результат его многолетних исследований. И поэтому я с интересом всегда прихожу и слушаю его. Я согласен с тем, что все сказали, и понимаю, что сейчас жарко, я тезисно скажу.

Значит, я разделяю то, что было сказано им, и в то же время задамся некоторыми вопросами.

Вопрос относительно российской экономической системы – здесь разные точки зрения бывали, да они и есть тоже. Одна из них гласит, что мы находимся в переходном периоде. Это «интересная» концепция, то есть кому-то она очень интересна. Вот был такой институт, который недавно переименовали, вернее, лет уже семь как переименовали в связи со смертью Е.Т. Гайдара. Он назывался Институт проблем переходного периода, точнее – Институт экономики проблем переходного периода. Значит, мысль какая. Что реформы не очень такие были знатные и результативные, поэтому дело это сложное, переходить к рынку надо потихонечку, постепенно. И вот это всё, что у нас имеет место сейчас и т.д., это – всё в процессе перехода. Есть какие-то сложности – это переход. Если есть – вот как сейчас! – стагнация, и мы идем вниз, то это – тоже переход. Подождите, не спешите, дождемся, и солнышко появится. Это уход, по сути дела, от того, чтобы сказать правду о том, что мы имели, а мы имели многое. И кое-что сегодня уже было сказано. Вот если профессор Губанов сейчас сказал, что у нас олигархия, это ж не просто «списки Форбс», которые раньше делались по 100 человек, а сейчас по 200 человек – а это более серьезные вещи, это не просто богатые люди, у которых денег в кармане больше, чем у всех взятых в миллион раз примерно, или – в несколько миллионов. Главное не в этом, а главное в том, что эти люди с помощью вот этих трамплинов монополизировали экономику, и вот сейчас – многие сложности, разноплановые сложности, сложности вообще для того, чтобы выйти на

траекторию бизнеса. Малый и средний бизнес – им очень тяжело, а крупный бизнес – тоже большие проблемы. Сейчас найти работу невозможно, вот я знаю, что ищут работу годами и не находят её. Ситуация осложнилась, а почему она осложнилась? А потому что общество или экономика обрели монополистический характер, и как один сказал хорошо известный в этой аудитории мужчина, монополизм ведет неизбежно к паразитизму и загниванию. Это так. Вот и идут эти разговоры – почему индустриализация не начинается? Она давно не начинается. Статья Медведева называлась «Вперед, Россия!», и тысячу раз можно говорить «халва», но слаще ведь не становится. И она не начинается не случайно, она не возникает вот по этой причине – что структура образовалась уже, переход давно закончился. Во время перехода было очень легко работать, я был тогда «в практике». А вот когда оно закончилось, работать всем очень тяжело стало, во всяком случае – тем, кто не входит в обиход эту олигархическую.

Я согласен с тем, что формулировка нашей экономической системы ясная, это – не только олигархический капитализм, к нему еще одна приставочка добавилась – бюрократически-олигархический. Сейчас говорили о том, что это периферийный капитализм – да, и это тоже характеристика внешних связей. А если смотреть на внутреннее состояние, оно тоже важно, потому что если бы говорили только о периферийном капитализме, вы не отвечаете – а что вы внутри имеете, в организме? Что там главное? А вот главное – это бюрократически-олигархический капитализм внутри, а внешне он, правда, периферийный, это тоже правильно. И вот в такой системе мы находимся, и наши сложности оттуда. Вот возьмите – вроде бы кризис закончился мировой, Европа пошла чуть вперед, Америка тоже что-то тянет, а мы идем вниз два с половиной года, назад. Вы помните путинские указы и прочее, надежды, что 5-6% будут темпы роста? Сегодня они – нулевые, сегодня они находятся ниже ватерлинии. На эти темы не любят говорить у нас. Молчание хранят, особенно правительство. В данном случае – это молчание не является золотом, потому об этом надо сказать, надо вскрыть корни, а это не очень интересно. Вот почему возникли эти «объявления». Помните «Ё-мобиль» Прохорова? А где он? Он – не будет. И не может быть! Ни один из тех, кто захватил вот эти активы по дешёвке – они ж ничего не сделали. Это – гении спекуляции, но они – «антиинновационные». Ничего там не может быть, это совершенно на другое настроенные вещи. И поэтому ситуация, как мне кажется, не такая простая. Разговоры о том, что «революция – надо это всё закончить...», и прочее. Почему? Почему, кто сделал революцию, должны поставить крест? Потому что для того, чтобы нам выйти на нужную траекторию сегодня, необходимо эту систему превратить в другую систему, о чём в докладе говорилось.

В какую? И вот здесь есть то, что является не совсем простым. Мы не любим эти слова говорить. В социализм возвращаться не нужно, потому что та система показала свою неэффективность. В капитализм? В какой? Вот надо посмотреть, что происходит в мире. Вот, значит, мы рассмотрели многие страны, которые действуют и «идут» хорошо, с хорошей скоростью, и всё у них хорошо. Пришли к выводу, что это всё-таки страны, в которых существует то, что называется «новая интегральная экономика», новый интегральный строй. Что он такое представляет собой? Сборный и комбинированный. Да, это комбинированный строй экономических отношений, включающий, прежде всего, преимущества социалистических отношений, прежде всего, – плановую, планомерную систему, о которой писали многие годы тому назад. Это надо было сохранить – и к этому добавить капитализм, потому что жизнь выше всех идей. То есть, мы не можем придумывать всё, а сейчас мы смотрим направо и налево – и там, везде, идет сочетание капитализма и социализма (я не говорю – рынка и плана!). Китайцы сделали это на самом деле, вьетнамцы пошли по этому примеру, но они, исходя из конъюнктурных соображений, не называют вещи своими именами. И вот они еще не знают или не хотят знать, что они построили комбинированное социалистически-капиталистическое общество и поддерживают этот баланс. И благодаря этому балансу у них дела идут и будут идти хорошо на протяжении 35 лет, и американцы их боятся, а они им наступают на пятки. И нам надо сблизиться с Китаем (и не только с ним сблизиться) и посмотреть, что мы утратили и что нам надо

восстановить. И если мы это восстановим и будем говорить об этом открыто, то все эти вещи покатятся как с горки вниз. А сейчас они катиться не будут, потому что система не позволяет этого делать. Спасибо.

А.А. Пороховский: Слово Виктору Михайловичу Кулькову.

В.М. Кульков: Я прочитал материал и прослушал презентацию. И хотел бы начать с разговора о системе, к чему привлек внимание в своем выступлении Виктор Тимофеевич Рязанов.

Очень важно, что в докладе делается акцент на экономической системе, российской национальной экономической системе. И, кстати, – не на национальной экономической модели, к чему мы особенно привыкли в своем кругу. И для меня это разграничение не случайно. Потому что когда мы говорим о национальной модели, о российской экономической модели, мы говорим о разновидности какого-то общего основания. Национальная модель рыночной экономики или какой-то другой – это более узкое понимание, чем экономическая система России, чем экономическая система, поскольку она, во-первых, содержит указания на системный характер элементов, а во-вторых, включает в себя более широкий круг разных параметров. И в рамках одной экономической системы может быть несколько моделей.

Кроме того, очень важно сопоставление национальной экономической системы и универсальной экономической системы, и национальная система, конечно же, шире, и автор доклада показывает эту широту.

Я бы сказал, что в национальной экономической системе содержится гораздо больше элементов, чем в стандартной универсальной экономической системе, скажем, – рыночной. Если говорить о законах, то я бы сказал, что, наверное, здесь то, что не включается – это соотношение «всеобщее – особенное». Здесь что-то есть и свое, не укладывающееся во всеобщие рамки, и особенное, что отличает Россию. Я когда-то писал о так называемых национальных экономических законах, которые присущи данной стране и которые универсальны для данной страны и могут по-разному проявляться в разных исторических эпохах. По одному – в капитализме, по другому – в социализме. Государственничество, сильная роль государства – как такой национальный экономический закон, который проявляет себя по-разному, будь это самодержавная Россия, советская Россия, сегодняшняя Россия или какая-то другая. И мне кажется, вот акцент на этом очень важен. Президент Путин не раз говорил в последнее время в связи с учебником по истории и в связи с другими причинами о необходимости связи времен, непрерывности национальной истории, так как для экономиста, как я понимаю, непрерывность истории, связь времен как раз и состоит в этих национальных экономических стержнях, их можно назвать национальными экономическими законами. Мне кажется, что это очень важно. Когда пытаются сочленить разные характеристики, то не получается того, что можно было бы назвать такими законами, которые скрепляют этот организм. Ну и, конечно, для национальной экономической системы очень важен акцент на смешанности – смешанности, порождаемой современными социально-экономическими явлениями. А они направляют на эту вот конвергентность, о чем сейчас говорил Георгий Николаевич. И есть смешанность в системе, которая порождается спецификой самой страны, разнородностью условий, присущих стране. Так что смешанность бывает разной. А кроме того, надо иметь в виду, что в таких интегральных системах, в этих смешанных системах всегда должна быть доминанта. И авторы доклада где-то не всегда это подчеркивают – должен быть стержень, доминанта. Вот смешанная экономика, а что это такое? Фифти-фифти, половина плана, половина рынка? Половина капитализма, половина социализма? Так не бывает. Должна быть доминанта. Информационность в какой-то степени относительна, и смешанность это подчеркивает, но и смешанность относительна. Это тоже надо иметь в виду. И я вспоминаю в этой связи известный термин «неодialeктика», который говорил о структурах с доминантой. Доминанта всегда должна быть в системе, она скрепляет эту систему, и авторы тоже должны это сильнее подчеркивать. Они это делают, когда

говорят о высокотехнологичном характере, но надо это постоянно иметь в виду.

И здесь, возвращаясь к некоторым методологическим вопросам, о чем опять говорил Виктор Тимофеевич, я хочу сказать, что методологическая основа на самом деле вот этого синтезирования более глубокая и обширная, чем та, которой пользуются экономисты в своих методологических изысканиях. Там есть такие направления, как структурализм, потом постструктурализм и диалектика множественности. И в основном этим занимаются не экономисты, а лингвисты, – а их тексты говорят, следы каких «прививок» содержатся в этих текстах? Да и они вот выходят на такие интегральные выражения. Экономисты как-то не очень этим активно пользуются. Я хотел бы это тоже подчеркнуть.

Теперь, конечно же, я здесь соглашусь с авторами, очень важное значение играют неэкономические факторы. Они подчеркивают их значение не один раз, и они как бы сопряжены и в единстве находятся с технологическими, социально-экономическими факторами. Это, безусловно, так.

Но надо б иметь в виду, что набор этих неэкономических факторов более широкий, чем тот, который представлен в докладе, потому что там в основном цивилизационный фактор, а это – и географический, и геополитический, и природно-климатический, и т.д. Вся эта совокупность национально-специфических факторов – это так, и кроме того, как мне кажется, сюда надо включать и стратегические долгосрочные жизненнонеобходимые цели национального экономического развития: суверенность, самодостаточность, сбережение народа, сохранение территориальной целостности. Эти цели, – это не субъективные цели, без реализации этих целей Россия не может существовать. Она просто погибнет. Это как бы цель, которая фактически входит в «сущность» по Гегелю, к этому тоже надо привлекать внимание. И в итоге – что получается? Мне кажется, и на такое широкое обобщение автор мог бы выйти: социально-экономические или просто экономические отношения выступают и как функция производительных сил или материально-технических факторов, о которых они говорят, и это, далее – функция от всего набора национально-специфических факторов, включая неэкономические, и это – функция от стратегических жизненнонеобходимых целей национального экономического развития, вот такие экономические отношения. В этом смысле мы фиксируем как бы закон соответствия экономических отношений и материально-технической базы экономическим факторам и целям национально-экономического развития, и на этой основе мы получаем целостную национальную экономическую систему. В этом направлении нам надо думать.

И последнее, о чем я хочу сказать, – о технологическом базисе. Я поддерживаю и содержащееся в докладе неоиндустриальное направление, и такое критическое отношение к постиндустриализму.

Но тут надо быть осторожным. Я боюсь, что если мы постиндустриализм выбросим, мы выбросим очень важные характеристики прогрессивного развития. Нельзя это выбрасывать, мне кажется, – модернизация российской экономики должна включать в себя и неоиндустриализацию, и реиндустриализацию, и постиндустриализацию. Вот такая модернизация действительно является наполненной и продуктивной, но, с другой стороны, конечно же, нельзя злоупотреблять этим термином. И мне кажется, очень важно обратить внимание на то, что в последнее время именно из либеральных таких кругов идет акцент на постиндустриализме. А что за этим стоит? За этим стоит желание фактически оправдать развал промышленности индустриального сектора 90-х годов, за этим фактически стоит игнорирование структурной политики и нежелание вообще иметь индустриальную политику, сильную индустриальную политику, сильное государство. Прикрываются постиндустриализмом, во-первых, для того, чтобы оправдать 90-е годы, и для того, чтобы отказаться от сильной структурной политики. Непонятно, где «прорвет» (я имею в виду научно-технический прогресс), но «прорвет» там, где прилагаются усилия для поддержки научно-технической сферы. Поэтому я хотел бы обратить внимание на то, что с постиндустриализмом надо поступать осторожно, не отбрасывая это, потому что это очень важный ориентир, но, с другой стороны, не преувеличивая его, потому что это приводит к неверным акцентам и к неверным практическим выводам. Я на этом закончу.

А.А. Пороховский: Уважаемые коллеги, слово имеет Александр Иванович Московский – доцент кафедры политической экономии нашего экономического факультета, я хочу объявить Сухарева Олега Сергеевича после этого.

А.И. Московский: Я очень доверительно отношусь к докладу, давно познакомился с тезисами. С прежними работами я, к сожалению, не знаком, но эту прочитал с огромным интересом, но и с некоторой «дрожью» и «недовольством». У меня были вопросы, которые хотел бы задать, и я их задам и сам попытаюсь ответить.

Первое, на что Сергей Семенович по существу акцентировал внимание – по поводу деиндустриализации. Я хочу спросить у Сергея Дмитриевича – скажите, пожалуйста, современная экономика России продолжает процесс деиндустриализации? Да? Вы говорите – да! Ия отвечаю на этот вопрос категорически – да. И сошлюсь в этом еще и на Руслана Гринберга, и на многих других. А самое такое, мне показалось, яркое обстоятельство, которое свидетельствует об этой деиндустриализации, – это, по-моему, год назад был конкурс рабочих профессий 52 стран, где российские ученики заняли... «почётное» 52-е место. А первые места – Япония, учащиеся из Японии и из Южной Кореи. И между прочим, это достаточно серьезная характеристика – ведь даже простая рабочая профессия создается не за один день, это требует времени, а те инженерно-технические работники среднего уровня, то, что называлось «голубые воротнички» – это, извините, 10-15 лет, ну, 13 лет, как минимум. То есть в этом плане Россия глубоко погружается дальше в деиндустриализацию. Я думаю, что здесь огромную роль сыграла та ориентация нашего образования, которую озвучил Фурсенко, бывший министр: «Главная задача образования – взрастить потребителя». Это не сразу же сформулировано, так было заявлено в 2007-м, нужно привить потребительский момент в этом образовании. Тем более, что при обсуждении этих проблем в Федеральном Собрании там были какие-то слушания, и он заявил еще более резко. Он сказал, что поскольку по своей природе человек – потребитель, значит, образование концентрирует то, что человек – это по природе социальное существо, что по своей природе человек – это что-то производящий, и нынешний министр образования, по-моему, продолжает эту линию уже на другом уровне. Посмотрите, во что превратилась с принятием законопроекта реорганизация аспирантуры – здесь «чудес» хоть отбавляй. И – демонстрации наших экономистов – учёных разных профессий, разных дисциплин, в разных сферах, возмущение здесь идет по этому законопроекту – это противостояние неграмотности. Хотя, мне кажется, здесь нужна очень большая программа исследования науки и образования.

Второй вопрос – я, простите, концентрируюсь в тех вопросах, которые хотел задать. Скажите, пожалуйста, «призрак» коммунизма, социализма, он сегодня «рыщет» по Европе? По миру? Или нет? Я думаю, что да, и что в самом устройстве капиталистического производства содержится очень существенный момент коллективизма и совокупной рабочей силы. И поэтому это функционирование совокупной рабочей силы особенно приобретает большую весомость. Вертикальная интеграция, создание крупных интегрированных систем – это вообще-то совокупная рабочая сила в огромном таком объеме. Но дальше я бы хотел сказать, что за этой совокупной рабочей силой лежит, вообще-то, с одной стороны, простая штука – коллективизм, коллективность совместной человеческой деятельности. И мне кажется – это в особенности касается науки при всем том, что, наверное, в научной сфере личные интересы, симпатии, антипатии играют очень большую роль. Но мне кажется, что, в особенности в США, с момента запуска спутника советского сделан очень серьезный шаг в том, чтобы развивать науку, анализировать, развивать понимание того, что есть наука. Я бы хотел сослаться только на одну статью в 1962 году в журнале «Минерва», статья называется «Наука как республика». Более того, в этой статье аргументируются следующие вещи – что модель развития науки, если всерьез ее понимать, со всеми сложными взаимосвязями, что наука, вообще-то говоря, – модель будущего развития общества. Сейчас в нашем движении, которое называется кратко КРОН (в конце прошлого года оно возникло), там поставлена масса задач, но задачи требуют «собирания».

И что мне бы хотелось сказать под конец. Мне кажется, что оперирование не только постиндустриализмом, сверхиндустриализмом в информационном обществе – это очень неконкретно. Я бы хотел сказать, что очень неконкретны все разговоры за пределами четвертого технологического уклада. Даже четвертый технологический уклад не исследован так, как должен быть исследован.

И еще небольшое замечание. Институциональная среда – о чем это речь? В тексте доклада – это экономика. И всё? А что такое экономика? Есть такая известная публикация «Институциональная экономика для чайников». Первая фраза этого уже отредактированного варианта какая? «Почему мир представляет сборище иррациональных аморальных субъектов, и как в таком обществе прожить?». Я думаю, что если нам ориентироваться на институты лишь вот в этом русле, то мы ни к чему хорошему не придем, потому что эта книжка откровенно читается со смешанным таким чувством восторга и возмущения – нельзя так, по-моему, характеризовать современное общество. И мне показалось, что и эта комбинация трех уровней в значительной степени довольно произвольная, она не конкретна. Спасибо.

А.А. Пороховский: Мы приглашаем Олега Алексеевича Сухарева – доктора экономических наук, Институт экономики РАН.

О.С. Сухарев: Уважаемые коллеги, добрый вечер. Я хотел бы выступить по докладу, я прочитал его целиком, с ручкой, что называется, хотел бы передать даже Сергею Дмитриевичу мелочи, что я «наковырял» ручкой, может быть, это будет полезно.

Но перед этим я бы хотел факультету подарить такую книжку: «России нужна другая модель развития». Когда недавно Президенту РФ в президиуме РАН (Глазьев, Ивантер, Некипелов, там было порядка 35 докторов наук) они сделали коллективный доклад, мы впятером: Анисимов, Воронин, Лобзунов, Островский и Сухарев решили сделать альтернативный доклад, и всем тоже разослали. Разослали Президенту, Председателю Думы, Совету Федерации и т.д. и издали книжечку. Одна из проблем всех наших докладов в том, что их мало кто читает и мало кто реагирует, хотя Лобзунову позвонил Примаков и всех пятерых тут же пригласил в клуб «Меркурий». Это была единственная польза из того, что мы сделали. И вторую книжку: «Стратегия развития науки и образования».

А теперь – по докладу.

Я мало того, что слышал другие доклады Сергея Дмитриевича, я участвовал в одном из докладов для Гринберга в рабочей группе, который он озвучил в Совете Федерации, но не потому, что я входил в эту группу, а я просто хочу сказать, что те доклады были более содержательные и более предметные – и по эмпирическому материалу, замечу, и по результирующей части. В том числе – сильное выступление Сергея Дмитриевича в Институте экономики на Учёном совете. Этот доклад вызвал у меня все же больше вопросов, чем ответов, начиная от его цели и заканчивая его предложениями, хотя в нем есть и конкретный позитив, я на нем тоже остановлюсь.

Мне кажется, проблематика этого доклада состоит в том, что он совместил две вещи очень серьезные: первая – российская экономическая система, по которой, согласен, доклад и надо было делать – по системе, ее свойствам, и второй аспект – это будущее высокотехнологичного материального производства, которое, как бы ни крутили, – часть российской экономической системы, без него не обойтись. Таким образом, это все надо, но в докладе как-то смешано, и он достаточно эклектичен. Например, докладчик начинает доклад с утверждения: экономическая система России не может быть понята только на основе приложения к ней каких-то определений, но затем 15 страниц из 25 приводит разного рода цитаты и определения различных уважаемых профессоров, в том числе и МГУ.

О позитиве.

Первое. Мне кажется, доклад полезен в обзоре системной части, что он действительно ставит проблему системности, указывает на неё. Но не более того, не дает ее решений, как уже отмечал Сергей Семёнович.

Второе позитивное направление – это то, что доклад определяет постановку процесса деиндустриализации, это тоже известная вещь, но хорошо еще раз о ней напомнить. Почему? Потому что любые индустриальные программы, любые системные изменения – и логика техники подсказывает нам это – должны выстраиваться в порядке останова этого процесса – деиндустриализации. И мне кажется, – не логика рывков, преодоления каких-то прорывов (а такая концепция доминирует, в том числе и у Сергея Юрьевича Глазьева) в технике; не может быть перескоков через поколение техники. Да, можно на основе заимствования сократить какой-то интервал, но техническая логика не предполагает каких-то перескоков необоснованных. Это второй позитивный момент этого доклада.

И третий момент, который не отметили коллеги до меня, это то, что Сергей Дмитриевич указывает на аспект социального расслоения, и это – серьезнейшая вещь. Я помню 2002-й год, когда меня директор завода пригласил в цех, где рабочие остановили производство при задержке зарплаты на 3-4 дня всего. А за 2013 год у нас просроченность по зарплате выросла, причем очень прилично. Мы спросили у рабочих (это был 2002-й год) – почему вы останавливаете производство, ну через четыре дня будет зарплата, директор гарантирует. А они отвечают: «Абрамович». А при чем тут Абрамович? А рабочие прочитали в прессе, что он два дня назад подарил своей любовнице кольцо за 17 млн. долларов. И остановили работу. Это была как красная тряпка на быка. Вот этот случай вроде бы частный, я его помню, это было 12 лет назад. Это был поучительнейший для меня, мощнейший пример, который заставил думать и над капитализмом, и над его перспективами, и над мотивацией людей. И, конечно, социальное расслоение является сильнейшим фактором торможения всех процессов в России. И это отмечается в докладе.

Что касается структурных моментов, у выступающих они прозвучали, в докладе как раз-таки структурные моменты проанализированы достаточно мало. Дело в том, что в России структура экономики такова, что фактически сложилось два типа производств. Один относительно высокодоходный, относительно низкорискованный – это финансы, банки, услуги, транзакционный сектор, сырьевые сектора. И второй – относительно высокорискованный, низкодоходный – это НИОКРы и т.д. И эта вилка вкупе с процентом, если вы к ней еще прибавляете процентную ставку, так вот «процент рентабельности – риск», она является запирающей. Она сформировала нам перелив ресурсов, и этот перелив продолжается, он не остановлен в пользу вот этих транзакционных секторов, сырьевых и т.д., хотя проблемы с эффективностью там колоссальные. Например, нефтедобывающие сектора в полном объеме покупают по импорту установки для бурения – 100%. Это из доклада члена-корреспондента РАН Богоявленского (Институт нефти и газа РАН). То есть мы уже докатились до индустриальной ручки, когда отступать дальше некуда. Мы уже добываем сырье на импортном оборудовании в 100%-м объеме в нефтяном секторе. В газовом – пока не так, но ситуация тоже ухудшается. Поэтому, если у вас 20 лет ресурсы текли в соответствии с этой «вилкой», то неоиндустриализация, реиндустриализация – это фактически «оборачивание» этой «вилки», чтобы у вас поток был в другую сторону. А значит, вся система действий, система планирования должна исходить из решения этой задачи. Иного просто не дано. Мы говорим о 25 млн. рабочих мест новых, высокотехнологичных, а что – мы имеем 25 млн. свободных рабочих мест, что ли, в промышленности? Да у нас в 3-4 раза меньше занятость в промышленности! Значит, выходит, что эти 25 млн. рабочих мест касаются и тех секторов, о которых я уже сказал, то есть услуг, финансов, сырьевых секторов. А как вы обеспечите перелив трудового ресурса и его переобучение? Кто считал на это ресурс? Какими ресурсами мы обладаем для вот такого перелива? Это вопросы, которые требуют, конечно, и моделирования, и более конкретных исследований.

Конечно, мне кажется, доклад не ставил такой цели, он обзорный, систематический, такой концептуально-описательный доклад. Но мне кажется, что работы в известных направлениях, а доклад их обобщает, все известные позиции в общем-то необходимо продолжать на государственном уровне. И здесь я приведу пример двухнедельной давности. Меня вызвали в Минпромторг по поручению Мантурова в отдел боеприпасов и спецхимии.

И говорят, что нужно собирать группу, кого Вы посоветуете из ученых, которые могли бы что-то считать, моделировать и разрабатывать? Я говорю: «А в чём дело?». А мне говорят: «Нам нужно разработать программу спасения 21 предприятия боеприпасов и спецхимии, 14 из которых прибыльные, а 7 – убыточные. С чего начать?». Я говорю: «Начните с изучения причин, почему у вас 7 убыточных казённых предприятий в рамках гособоронзаказа». Они не знают даже, как к этому подступить. Вот это – уровень системы управления страной!.. И над конкретными работами, и над конкретными вопросами должен работать не просто коллектив частного института – несколько десятков человек, а должны быть вовлечены сотни научных коллективов, включая РАН и МГУ, по направлениям действий. Вот это было бы правильно. Большое спасибо.

А.А. Пороховский: Спасибо большое, слово имеет Михаил Юрьевич Павлов.

М.Ю. Павлов: Уважаемые коллеги, по принципу восхождения от абстрактного к конкретному мне бы хотелось занять у вас всего несколько минут и рассказать о конкретной ситуации, прежде всего, – об автопроме.

Ну, обычно под индустриализацией, неоиндустриализацией как раз понимаются именно такие отрасли. Вот я процитирую высказывание: «Отечественные производители автомобилей не в состоянии конкурировать на мировом рынке, поскольку имеющееся у них оборудование слишком устарело, а в технологии производства они далеко отстают от автомобилестроителей наиболее развитых стран, поэтому я настоятельно не рекомендую производить автомобили у нас, во всяком случае – легковые. По конструкции, эксплуатационным характеристикам и долговечности отечественные легковые автомобили отстают на 20 или даже 30 лет от иномарок. Цена иномарок иногда даже вдвое ниже отечественных автомобилей. Со всех точек зрения представляется правильным импортировать легковые автомобили». Слова другого деятеля: «Бессмысленно развивать в нашей стране автомобилестроение, мы живем в эпоху международного разделения труда, поскольку мы имеем возможность получать недорогие автомобили отличного качества из других стран. Почему бы нам не строить расчёты на использовании этого источника?». Кто эти деятели, как вы думаете? Фамилия первого деятеля – Нисио – генеральный секретарь в японском правительстве, высказывание 1948 года относительно перспектив японского автопрома. Второй деятель – это Хисадо Этимада, управляющий японским банком, виднейший эксперт в области финансов, речь 1950 года – уже тогда! – о разделении труда, о глобализации – мы отстаем на 20-30 лет. Что с тех пор мы видим? Японские автопроизводители замечательно себя чувствуют, несмотря ни на что. И уже давно провели экспансию в Европу. Кто в Европе был, знаете прекрасно, что там японские автомобили заполнили всё и вся. В США еще раньше они проникли. Кстати, высказывались они в основном насчет американских автомобилей, а сейчас из американской большой тройки две корпорации – банкроты. «Дженерал Моторс» не оправился от удара – из пяти ведущих брендов два потеряны практически навсегда. То есть, вот она – цена мнений экспертов правительства.

На самом деле – для чего я это говорю? Для того, чтобы приободрить вас, что ситуация не настолько плохая, что если действительно всё это определяют учёные, то пессимизм вполне преодолим, и можно совершить прорыв и в области индустриализации, и неоиндустриализации, и прежде всего – опережающего развития. Так что давайте поставим приоритеты развития человеческих качеств, сопровождаемые импортозамещением, и у нас всё получится. Спасибо.

А.А. Пороховский: Спасибо, дорогие коллеги, мы тогда потихоньку будем подходить к концу, чтобы уложиться в регламент. Я тоже хочу сказать несколько слов и затем предоставлю слово Сергею Дмитриевичу для реакции на замечания, вопросы, которые прозвучали в докладах. Ну, может быть, возникнут вопросы по ходу его выступления.

Уважаемые коллеги, прежде всего, я хотел бы сказать, что тема системы российской

экономики является очень важной и актуальной, и эту тему мы решили сделать главной 19 ноября на конференции, посвященной 210-летию со дня образования кафедры политэкономии в МГУ. И я хотел бы отметить, что само ее образование произошло 5 ноября 1804 года указом Императора, и в это же время был создан Харьковский и Казанский университеты. Поэтому мы свой праздник отмечаем одновременно и с Казанским, и с Харьковским университетами. Был утвержден первый устав Московского университета, в котором отражалось создание кафедры, и повторяю, другими пунктами указа было создание других университетов. Я это сказал ещё и потому, что мы понимаем, что, отмечая столь важную дату в жизни нашего университета и нашего коллектива, мы не думаем, что поскольку нам так много лет, то мы все консерваторы и смотрим только назад. Мы, наоборот, стараемся воспринять все уроки истории и смотреть вперед, не забывая свои корни. Это очень важно, потому что корни, как вы знаете, питают не только деревья, не только растения, они питают людей, они питают цивилизации.

И вот, возвращаясь к нашей теме, поэтому я призываю к этому всех, кто здесь присутствует, и благодарен Сергею Дмитриевичу.

По существу, наше сегодняшнее такое скоротечное обсуждение, связанное с погодными условиями – оно является частью того общего подхода и той большой работы, которая, надеюсь, в конце концов приведет к тому, что дела нашей экономики улучшатся и мы не будем посыпать пеплом голову, а будем действительно предлагать и теоретические, и практические решения.

Что касается материального производства в мире. Здесь было несколько цифр приведено, я тоже могу их привести, опираясь на американскую экономику и другие экономики развитых стран. Действительно, вы знаете, что если считать ВВП по производству, то производство товаров, что фактически означает материальное производство, – доля этого производства – сокращается, хотя абсолютный размер этого производства возрастает. И теперь, скажем, доля розничной торговли и доля оптовой торговли выше, чем доля производства товаров.

И, конечно же, это влияет на структуру экономики, структуру занятости, на всё. Но что означает, что растет сфера услуг? Это не только разрастание услуг ради услуг, но это возрастание сферы услуг ради повышения производительности в материальном производстве. Поэтому этот аспект очень важно отметить. Здесь уже говорилось в одном из выступлений, что мы не можем просто так критиковать любое явление лишь потому, что оно нам не нравится. Мы должны разобраться, отчего оно возникло, в чем его суть и как оно влияет на все остальное, то есть использовать предлагаемый Сергеем Дмитриевичем системный подход.

И, конечно же, второе обстоятельство, которое с этим связано, здесь тоже отмечалось – это разделение труда в мировом хозяйстве. Разделение труда в мировом хозяйстве в то же время предполагает использовать выгоды его, но оно не предполагает и не отрицает защиту национальных интересов. Возникает проблема соотношения открытой экономики и защиты национальных интересов. Понимаете – дело заключается в том, что наше мировое хозяйство – это конкурентная среда, и в конкурентной среде признаются только конкурентоспособные игроки. Если игроки не конкурентоспособные, то понятно, что в этой ситуации мы не можем достичь успеха. И отсюда говорить только, допустим, о закрытой экономике, но забывать другую сторону открытой экономики – вот это означает, что мы смотрим несистемно на решение этого вопроса и этой проблемы. В этой связи, я понимаю, мы можем много сказать о причинах того состояния, в котором мы сейчас находимся и в сфере экономики, и в сфере образования, но мне кажется, что продуктивнее будет говорить – что нужно сделать, чтобы исправить. И с точки зрения научных, и с точки зрения практических подходов. Потому что, наверное, легко сказать, кто виноват, но еще труднее сказать, что сделать и как это сделать. И в этом смысле мне кажется, что выступление Сергея Дмитриевича, его материал дает пищу для размышлений. Да, в этом докладе еще не все точки поставлены над *i*, да и не все проблемы раскрыты, есть некие противоречия в постановке и взаимосвязи, но это означает, что материал не пустой, он взывает нас к тому, чтобы помыслить, размыслить и продолжить

исследования в этой сфере.

Я думаю, уважаемые коллеги, что мы не последний раз будем обсуждать эту тематику. И наша задача – не обсуждать ради обсуждения, а обсуждать ради того, чтобы наше молодое поколение (в какой-то мере) с нашей помощью реализовывало итоги таких обсуждений, в том числе и в публикациях, в том числе и в выступлениях, особенно в молодёжной среде. У нас сейчас много присутствует аспирантов и молодых людей. И, конечно же, мы хотели бы, чтобы наши мероприятия, посвященные 210-летию кафедры, были связаны с вовлечением студенческой среды, чтобы студенты понимали, что и МГУ, и Россия в целом, и российское экономическое образование всегда старались работать на отечество, они старались, чтобы отечество крепло, и само создание экономической подготовки в вузах было – кстати, обратите внимание, вспомните историю, – чтобы оно было связано с укреплением Российского государства. Я в данном случае не ставлю проблему роли государства в экономике, я говорю о государстве как о национальном объединителе народа, проживающего на определенной территории. Поэтому мне кажется, что сегодня очень актуально не забывать историю и в то же время смотреть вперед. Сергей Дмитриевич, Вам слово для заключения.

С.Д. Бодрунов: Спасибо большое! Уважаемые коллеги, я очень впечатлен этим обсуждением, потому что действительно важны вопросы, которые сегодня задавались. В целом я за все замечания очень признателен, наверное, они полезны для нас, наших сотрудников института, чтобы мы могли дальше ориентироваться на те идеи, которые высказывают наши коллеги в МГУ.

Я бы остановился на некоторых вопросах, которые мне показались наиболее принципиально важными для меня, моих сотрудников.

В частности, профессор Рязанов отразил в своем выступлении такой важный момент, как восстановление целостности экономической системы. Я действительно с этим полностью согласен, это абсолютно правильное понимание ситуации, этому возразить невозможно, но я всё же хотел обратить внимание на то, что в докладе, который мы готовили, мы отразили на самом деле, что да, система дезинтегрирована. Может, это не прозвучало акцентированно как-то, но это, конечно, подразумевалось. Да и сама направленность доклада показывала, что для восстановления целостности надо найти какие-то пути, какие-то решения. Эти решения мы видели на путях восстановления промышленной компоненты нашей экономики. И вот на этом мы акцентировали внимание и при подготовке доклада, и в докладе, в презентации особенно, и т.д.

И еще – один важный момент здесь также прозвучал о том, что США, наш НТП, высокотехнологичный сектор экономики создают не сверхдоходные рынки. Да, это действительно так; они не создают достаточно высокую прибыль – да, и что не во всех секторах эта прибыль формируется, что мизерная рентабельность, что динамика неположительная производительности труда и т.д. – я с этим в общем-то согласен. Больше того, мы в институте анализировали эти показатели, производительность труда, норму рентабельности по российской экономике, и мы можем сказать, что динамика в России, как ни странно, очень сильно совпадает с американской динамикой. Что по этому поводу мы могли бы сказать? Действительно, если не поднимать производительность труда, то есть не принимать эти решения, то не разорвать деиндустриализационный круг, который всё больше и больше втягивает Россию в стагнацию. И не только Россию. Я могу сказать, что американцы, когда рассмотрели эту ситуацию, можно сказать, под микроскопом, когда кризис ударил, значит – они вернулись к идее частичного возврата некоторых секторов промышленности из тех стран, куда они их вывели, назад в США. Об этом говорить начал и президент США, и в конгрессе это звучало, и т.д. Сейчас это одна из задач, которую они обозначают для себя как приоритетную в сфере решения тех проблем, которые у них имеются. Поэтому говорить о том, что новые технологии или восстановление производства не является приоритетом – возражу, я думаю, что это всё-таки, наверное, не очень точно. Есть очень важный момент: не только прибыль, не только рентабельность важны, но важно

также и обладание технологиями, конкретными технологиями, которые являются критическими. У нас тоже есть такие проблемы.

Я хотел бы здесь еще сказать, что надо ориентироваться в этом случае на такую важную вещь – в индустриальных экономиках в свое время исследовались вопросы периода перехода от материнской технологии, например, к дочерней. Например, по секторам промышленности или там по отраслям: в автопроме – 8 лет, в авиапроме – 12, 15 – по двигателям и т.д. То есть, если отдать что-то куда-то, пусть даже не очень рентабельное, через некоторое время возникнет дочерняя технология уже у других людей, а мы – отстали. И «достать» это будет уже невозможно. Конкуренция в будущем будет именно на этих технологиях развиваться. Вот в этом плане я считаю, что когда мы формируем нашу экономическую политику, мы должны на это ориентироваться и это учитывать.

Теперь, что касается замечаний С.С. Губанова, известного специалиста в сфере систематики, системности. Мы много читаем и смотрим документов, материалов, которые публикуются в его журнале, и можно задать много вопросов, дать многие (и другие!) подходы к систематизации, оценке системности, и т.д. Но когда мы готовили этот доклад, мы ориентировались только на тот вариант, условно говоря, оценки системы, который позволил бы нам лучше раскрыть нашу основную идею. Мы не столь в это углублялись – наш институт не специализируется на этих проблемах, как хотелось бы уважаемому Сергею Семеновичу. Мы, безусловно, признательны за эти замечания, мы их подробно зафиксировали и будем дальше рассматривать тему и в этом контексте. Но еще раз хочу сказать, что мы пытались в этой части доклада, в первой части особенно, и в конце доклада показать, каким образом нам восстановить целостность экономической системы, дезинтегрированной экономической системы.

Да, и хотел бы также обратить внимание уважаемого оппонента на его, так сказать, критическое замечание – я его записал, вот: «Я думаю, – сказал профессор Губанов, – что надо ставить вопрос об экономической системе, настроенной на социальные интересы». Так, уважаемый Сергей Семенович, почему критика? Я тоже так думаю. И это прямо отражено в докладе – можно открыть, посмотреть: ну, может, меньше прозвучало в презентации сейчас. Но если Вы заглянете в мои и моих коллег по ИНИРу работы, а не только в те, что Вам довелось прочитать – из упомянутых Вами «списков литературы» (и, замечу, эти работы недавние, а не «десятилетней давности», и в них есть и некоторые отсылы и к упомянутым Вами «школам»!), – то Вы увидите практически абсолютно те же идеи, мысли и сентенции, которыми Вы предварили эту фразу! Так что мы с Вами – на одной позиции. Причем – не только в вопросе необходимости «неоиндустриализации» (Ваш термин), или новой индустриализации – в нашей трактовке, конечно! – но и в вопросе социального аспекта реиндустриализации, ее «настройке» на эти самые «социальные интересы». Единственное, видимо, отличие – мы не считаем, во-первых, весь наш промышленный бизнес огульно олигархическим, а, во-вторых, мы считаем, что социальную базу реиндустриализации составят разные общественные страты, в чьих она будет вестись интересах, и предприниматели – в том числе, и их интересы, а не только интересы трудящихся и т.п., тоже надо учитывать.

Теперь разберемся с замечаниями следующего оппонента.

Я очень признателен Г.Н. Цаголову за то, что он нашел время еще раз почитать очередной наш опус. Георгий Николаевич – это человек, который подробно и тщательно всегда анализирует. Я могу сказать, что главная мысль, которую мне хотелось в докладе донести, – мы понимаем, что наша 3-я подсистема смешанной экономики в какой-то мере только сейчас находится в стадии формирования. И здесь необходим опыт и тех экономик, которые сегодня демонстрируют образцы позитивного решения проблем, которые имеются в мире – той же китайской экономики, вьетнамской экономики и т.д. Здесь можно, наверное, теоретически где-то сделать отсыл к Д.Е. Сорокину и другим специалистам в этой сфере. Я считаю, что мы не должны забывать и наше наследие и изучать тщательно этот опыт и, конечно, его использовать, поэтому, собственно говоря, мы ориентировались и на этот вариант «разделения», систематизации нашей экономики.

Ну и – замечания профессора Кулькова, что вот надо было бы сделать доминанту, то есть надо было бы выделить при систематизации какие-то базовые вещи. Мне казалось – мы четко выделили то, что, мы считаем, должно быть доминантой нашей экономической политики. И в Институте экономики на Ученом совете мы как раз по этому поводу собирались – Олег Сергеевич не даст соврать, наоборот, на нас тогда даже была критика, что мы слишком активно «давим», обозначая некие доминанты «технократические».

На вопросы профессора Московского: безусловно, конечно, невозможно не согласиться с теми вещами, которые сегодня сказаны здесь. Действительно, у нас деиндустриализация в разгаре. Я неоднократно по этому поводу на разных уровнях, с разных трибун говорил. Больше того, мы, институт, постоянно пишем документы, доклады, показываем, что сегодня если мы эту политику не прекратим, то место России будет, скажем, если не на свалке мировой истории, но на обочине мировой экономики – это точно. Необходимо прекратить эту политику, и действительно – здесь много «рецептов», вариантов, которые рассматриваются специалистами. Мы свою точку зрения отразили в нашей литературе, наших работах. Что касается «призрака коммунизма», то, конечно, безусловно, я могу сказать, что одна из моих работ как раз примерно этому была посвящена года три назад, потому что в моем опыте было и создание вертикально-интегрированных структур, и концептуальной платформы для этого, и практическая работа, и т.д.

Уважаемому коллеге О.С. Сухареву я очень признателен за то, что он, как говорит, «наковырял», как у него это бывает обычно, некоторое количество замечаний в тексте – это всегда полезно; вот, вижу 2, нет – 3 его пометки, я очень благодарен. Он даже однажды участвовал по моей просьбе в редактировании одной из моих книг (это стоит, наверное, сегодня упомянуть), поэтому он неплохо знает, что мы тут делаем. Я могу сказать, что его основное замечание сегодня, насколько я понимаю, – что доклад несколько «эклeктичен», что одна часть доклада об одном, другая немножко о другом. Действительно, Олег Сергеевич, дорогой, говорят, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», это было сложно в коротком докладе, поэтому, может быть, где-то это кажется эклeктикой, но все же, действительно, это – наша попытка все-таки путем системного анализа доказать необходимость проведения в стране «политики, которая бы собрала экономику воедино». экономической политики. И в Институте экономики на Ученом совете мы как раз по этому поводу собирались – Олег Сергеевич не даст соврать, наоборот, на нас тогда даже была критика, что мы слишком активно «давим», обозначая некие доминанты «технократические».

На вопросы профессора Московского: безусловно, конечно, невозможно не согласиться с теми вещами, которые сегодня сказаны здесь. Действительно, у нас деиндустриализация в разгаре. Я неоднократно по этому поводу на разных уровнях, с разных трибун говорил. Больше того, мы, институт, постоянно пишем документы, доклады, показываем, что сегодня если мы эту политику не прекратим, то место России будет, скажем, если не на свалке мировой истории, но на обочине мировой экономики – это точно. Необходимо прекратить эту политику, и действительно – здесь много «рецептов», вариантов, которые рассматриваются специалистами. Мы свою точку зрения отразили в нашей литературе, наших работах. Что касается «призрака коммунизма», то, конечно, безусловно, я могу сказать, что одна из моих работ как раз примерно этому была посвящена года три назад, потому что в моем опыте было и создание вертикально-интегрированных структур, и концептуальной платформы для этого, и практическая работа, и т.д.

Уважаемому коллеге О.С. Сухареву я очень признателен за то, что он, как говорит, «наковырял», как у него это бывает обычно, некоторое количество замечаний в тексте – это всегда полезно; вот, вижу 2, нет – 3 его пометки, я очень благодарен. Он даже однажды участвовал по моей просьбе в редактировании одной из моих книг (это стоит, наверное, сегодня упомянуть), поэтому он неплохо знает, что мы тут делаем. Я могу сказать, что его основное замечание сегодня, насколько я понимаю, – что доклад несколько «эклeктичен», что одна часть доклада об одном, другая немножко о другом. Действительно, Олег Сергеевич, дорогой, говорят, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», это

было сложно в коротком докладе, поэтому, может быть, где-то это кажется эклектикой, но все же, действительно, это – наша попытка все-таки путем системного анализа доказать необходимость проведения в стране «политики, которая бы собрала экономику воедино».

И еще – хотел бы возразить Олегу Сергеевичу по вопросу, который он задает: доклад, дескать, «ставит проблему системности, но не дает ее решений». Во-первых, неясно, что же Олег Сергеевич конкретно имеет в виду. Ведь цель доклада – как раз и была указать на «проблему системности», как он ее называет. Верно? Так доклад на это и указывает, он – об этом именно. А если то, что можно рассматривать экономику как систему – так мы «за»! Если то, что тут плодотворен системный подход, то мы – тоже «за», и здесь как раз в докладе предложен один из вариантов – как можно рассматривать данную проблему системно, с каких позиций. И именно этот вариант и позволяет, как говорится «раскрыть тему», как мне представляется. И если, во-вторых, он ждал неких «рецептов», то наш ответ – тот же, что и для профессора Губанова, не буду еще раз на этом останавливаться.

Ну и, наконец, замечания «крайнего» выступающего М.Ю. Павлова о том, что многие люди ошибались, проводя ту или иную политику в плане индустриализации. Могу добавить к этому только то, что таких примеров немало. Вот, наверное, все мы, пользуясь компьютерами, помним, что основателями, ну, как бы, – основной компанией, основными людьми, которые этим занимались, были американцы – IBM. Так вот, у меня на стене в моем кабинете висит на самом видном месте замечание президента IBM 1944 года: «Наша компания никогда не станет осваивать производство электронного цифрового компьютера»,... потому что это неинтересно, нерентабельно и т.д. Опять же – это к тому, что мы сегодня не можем оценить на самом деле, что у нас перспективно, что у нас бесперспективно с точки зрения тех технологических решений, которые предлагаются, это задача – сложная. Спасибо.

И если говорить об этой части доклада, то – да, мы не намеревались, конечно, давать конкретные рекомендации технологического толка, и хотя некоторые специалисты (и, там – футурологи) пытаются иногда сказать, что нас ждет в пятом, шестом и т.д. технологическом укладе, мы этим «грешить» не будем, да и не являлись такие «предсказания» целью доклада. А оптимизм Михаила Юрьевича я бы в значительной мере разделил.

Ну и, в завершение – я признателен нашему уважаемому ведущему, модератору, Анатолию Александровичу Пороховскому за столь позитивную оценку доклада, а также за те «подсказки», что бы ему хотелось еще видеть – например, пожелание расширить спектр исследования проблемы за счет изучения влияния «возрастания сферы услуг ради повышения производительности труда в материальном производстве» на структуру экономики, структуру занятости – это, конечно, вопрос большой, и мы этот вопрос уже буквально через пару недель будем отдельно докладывать на Научно-экспертном совете при Председателе Совета Федерации. Так что мы, как сегодня показало обсуждение, «сверка часов», во многом «совпадаем». Еще раз – большое спасибо!

А.А. Пороховский: Спасибо, дорогие участники нашего заседания! Может быть, кто-то чем-то недоволен? Остаются дополнительные вопросы? Нет? Хорошо.

Я хотел бы сказать, что эта тема не закрыта, она остается. Мы будем к ней еще обращаться не раз.

И спасибо докладчику, мы сегодня благодаря докладу провели интересное обсуждение, которое будет иметь, уверен, продолжение.

С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР)

**РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
БУДУЩЕЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО
МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА**
(доклад на Научном совете МГУ им. М.В. Ломоносова
по разработке современной экономической теории
и российской модели социально-экономического развития
5 июня 2014 года)

Экономическая система России не может быть понята только на основе приложения к ней каких-то определений. Объекты, представляющие собой сложные системы, вообще невозможно изучать без применения к ним некоторой достаточно четко определенной методологии.

**1. Экономическая система России: к методологии
исследования**

На наш взгляд, основу такой методологии может составлять столь же хорошо знакомый, сколь и редко целенаправленно используемый *системный подход*.

Такой подход требует отношения к экономике с точки зрения изучения ее элементов, их внутренних связей и системного качества, причем выделение последнего принципиально важно. Еще важнее рассмотрение экономической системы не как к изолированной и самодовлеющей, а как целостной части более широкой совокупности, т.е. во взаимосвязи с внешними для нее факторами.

Этот подход хорошо известен в современной экономической теории, но на деле редко используется в исследованиях, в которых преобладает описание тех или иных элементов экономики (в частности, российской) под углом зрения той или иной идеологической парадигмы: то ли либеральной, то ли консервативной¹.

¹ В этой связи важно обратить внимание на постановку проблемы чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнером, который специально подчеркивает, что с его точки зрения «...под системой понимается не множество элементов, связанных между собой определенным образом (*эндогенное* определение), а относительно устойчивая в пространстве и во времени целостная часть окружающего мира, выделяемая из него наблюдателем по пространственным или функциональным признакам (*экзогенное* определение)... Системная парадигма, представляющая экономику в виде совокупности взаимодействующих, трансформирующихся и эволюционирующих систем, выступает, таким образом, с одной стороны, как альтернатива неоклассической парадигме с ее делением экономики на макро- и микроэкономику, с другой – как концепция, интегрирующая неоклассический, институциональный и эволюционный подходы.

Георгий Борисович Клейнер. Стратегическое планирование: основы системного подхода. // Модернизация экономики и общественное развитие. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. <http://www.kleiner.ru/skrepk/strategplan-2008.pdf>.

Сходный подход можно найти в работах Я. Корнаи, который также считает, что объект исследования экономиста «является целостной системой, которая взаимодействует с другими системами, в том числе с более крупными, которые ее содержат. Каждая экономическая система при этом представляется как сфера взаимодействия экономики, политики, идеологии, психологии, культуры, и др. областей, поэтому с точки зрения одной из соответствующих дисциплин анализ будет неполным и поверхностным» (Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, № 4. С. 10-12).

Таким образом, для понимания экономической системы становится необходимым изучить, с одной стороны, обуславливающие её существование и функционирование материально-технические предпосылки, а с другой – социально-культурную среду, в которой формируется экономическая система. К последним, как показывает не только теория, но и практика экономических реформ в России, относятся идеологические, социально-психологические, политические, этнокультурные и другие её составляющие, часто определяемые как цивилизационная специфика страны.

Наконец, важно понять влияние всех этих факторов на внутренние закономерности формирования и функционирования экономических отношений и институтов.

Это, в частности, предполагает анализ прямых и обратных связей экономической системы на следующих уровнях:

- (1) технологические уклады;
- (2) социально-экономические отношения и экономико-правовые институты;
- (3) цивилизационные и социокультурные инварианты и тренды.

Такой подход опирается на использование в исследовательском процессе целого ряда теорий и концепций, позволяющих исследовать указанные взаимодействия.

Так, исследование *взаимодействия экономики с техносферой* требует понимания закономерностей эволюции последней, что нашло свое отражение в теории технологических укладов.

На этом вопросе важно заострить внимание. Поэтому ниже мы проанализируем специфику российской экономической системы, воспользовавшись разработками С.Ю. Глазьева – едва ли не наиболее известного в России специалиста по данной проблеме. Это тем более обоснованно, что многие выводы этого известного в области рекомендаций по разработке макроэкономической стратегии ученого близки по своим ключевым положениям автору данного текста.

В качестве определения в нашем случае целесообразно воспользоваться выводом, сделанным С.Ю. Глазьевым совместно с академиком Д.С. Львовым. С их точки зрения «технологический уклад» представляет собой систему взаимосвязанных производств (включающих зависимые др. от др. технологические цепочки) с равным техническим уровнем, которые могут рассматриваться как подсистема более общей экономической системы, являющейся альтернативной по отношению к другим подсистемам, например, отраслям².

Этот подход во многом перекликается и с исследованием взаимного влияния технологической эволюции и изменений в экономической системе, проведенном в работах целого ряда западных социологов и футурологов (Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Т. Сакайя и др.), ориентированных на исследование социальных и экономических последствий технического прогресса. Формирование концепций «постиндустриального общества», «информационного общества», «третьей волны» и т.п. отразило интерес к изучению социально-экономических сдвигов, происходящих под влиянием технологических перемен.

Однако это изучение носило в основном описательный характер и не привело к формированию новых теорий, объясняющих природу и закономерности изучаемых взаимодействий. Кроме того, в них существенно преувеличивалась роль и значение постиндустриальных тенденций, и не было обращено достаточное внимание на развитие негативных процессов деиндустриализации и финансиализации, подорвавших в определенной мере производственный потенциал развитых стран.

²См.: Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы, 1986, №5.

Все это служит основанием для того, чтобы считать не слишком убедительной апологию будущего экономики как «общества услуг», разработанную Д. Беллом и его российскими коллегами³, и апелляцию того же автора к будущему экономики как экономике знаний и т.п.

Тем не менее, в этих разработках (при условии их критического использования) можно найти немало материала для характеристики современных изменений в экономических системах, продуцируемых техническим прогрессом. Кроме того, для нашего последующего исследования окажется важным то, что эти исследователи достаточно убедительно показали: *изменения в технологиях, касающиеся прежде всего перехода доминирования от одних факторов производства к другим и от одних отраслей к другим, влекут за собой и перемены в экономике и всех остальных составляющих общественной жизни человека, таких как институты, доминирующие социальные структуры (от глобального уровня до уровня семьи), идеологические воззрения, способы политических действий и т.д.*

В то же время, акцент на развитии новых технологий в материальном производстве, структуре занятости и т.п., характерный как для названных выше авторов, так и для Э. Тоффлера⁴, весьма важен, и мы его еще используем ниже при анализе специфики российской экономической системы.

Следует, однако, обратить внимание, что все эти наблюдения сделаны в основном на материале наиболее экономически развитых стран.

Для нас проблема, следовательно, заключается в том, чтобы определить: *в какой мере эти наблюдения западных социологов и футурологов приложимы к российскому обществу?* Наблюдаем ли мы те же самые сдвиги и тенденции или же несколько иные? Наконец, в какой мере можно положиться на прогностическую сторону западных исследований?

От ответа на эти вопросы во многом зависит, как мы подойдем к следующему уровню исследований – социально-экономическому. Именно на данном уровне определяется специфика структуры экономических отношений и институтов российской социально-экономической системы.

Несколько забегаая вперед, отметим, что, на наш взгляд, эти авторы не только переоценили постиндустриальные тенденции в наиболее развитых странах, но и, по сути дела, оставили в стороне исследование соответствующих процессов в странах с развивающимися рынками – таких как Россия, Китай, Бразилия и др.

Если наш вывод относительно сохранения определяющей роли базовых отраслей материального производства верен по меньшей мере для таких стран, как Россия, то и система экономических отношений и институтов должна исследоваться как система отношений, складывающихся, в первую очередь, в материальном производстве.

В этом случае изучение **собственно экономической системы** России может опираться на методологические разработки «университетской» (МГУ) школы политэкономии.

³ «Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг...» (Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с англ. М., 2000. С. 120; см. так же: Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986).

В России работы, продолжающие исследования Д. Белла, характерны для В.Л. Иноземцева (См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998).

⁴ Так, по мнению Элвина Тоффлера, точкой поворота к новой экономике можно считать 1955 г., когда в США впервые количество «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать число «синих воротничков». Это было десятилетие, когда началось широкое внедрение компьютеров и новых технологий, доступных населению (Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 40, см. также с. 41-53, 68).

Для этой школы характерно, с одной стороны, наследование достижений классической политической экономии⁵, а с другой – использование современного системного подхода. Как мы отметили в начале доклада, он требует рассмотрения социально-экономической системы и с точки зрения её системных качеств, определяемых природой взаимосвязи её собственных элементов, и с точки зрения её положения в более широкой исторически сложившейся системе (мировой экономике). Такая постановка вопроса характерна уже для начального этапа исследования университетской школой становления в России рыночной экономики.

В этой связи положительной оценки заслуживает постановка проблемы, прозвучавшая еще на заре возникновения рыночной экономики в России и характерная для университетского курса по экономике переходного периода: «Специфика экономики в России определяется, с одной стороны, ее внешнеисторическими условиями, а с другой – внутренними чертами социально-экономического строя»⁶.

При таком подходе сразу же выделяются резко отличающие Россию от других рыночных экономик особенности становления в ней современной модели капитализма. Эти особенности определяются исторически исходным пунктом этого процесса (плановая экономическая система) и особой, как будто бы «восстановительной» по отношению к уже некогда существовавшему в России капитализму, направленностью⁷.

Другой особенностью российской экономической модели, определяемой самим процессом трансформации одного типа экономической системы в другой, является **существенная роль неэкономических факторов**.

Мы выше специально выделили этот аспект. Тем важнее, что его значимость для России подчеркивается и другими известными учеными. В частности, этот подход представлен в работах А.А.Пороховского⁸, не только продолжающего, но и развивающего традиции «университетской» школы политической экономии, для которой всегда было свойственно не упускать из виду взаимодействие экономических и политических факторов. А в условиях переходных процессов характеристики государственно-политического устройства оказывают особо сильное влияние на траекторию формирования экономической системы.

⁵ Этот подход реализован, в частности, в «Курсе политической экономии» под ред. Н.А. Цаголова (М.: Экономика, 1973).

⁶ Радаев В.В., Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995. С. 48.

⁷ Авторы уже называвшейся работы, характеризуя специфику российской экономической системы, подчеркнули следующие ее черты: «Во-первых, это историческая беспрецедентность перехода, выступающего как переход к рыночной экономике не от традиционной, а от особой, существовавшей в относительно небольшом числе стран, – плановой экономики...»

Во-вторых, российское общество сегодня на пути реформаторско-эволюционного развития должно осуществить как бы и “возвратное” движение» (Радаев В.В., Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995. С.49).

⁸ В этой связи нам представляется важным вывод А.А. Пороховского о необходимости развития демократических политических институтов как важного условия развития регулируемой рыночной экономики в России: «В структуре экономических и внеэкономических факторов реализации российской рыночной модели демократическим институтам альтернативы нет. Исторически и практически доказано, что только полное господство демократических институтов может разрушить и монополию чиновника, и диктат бизнеса, и недоверие населения к власти. Выпадение любого звена из этой цепи хранит у народа России появившееся в последние годы предубеждение к рынку и демократии» (Пороховский А.А. Российская рыночная модель: путь реализации // Вопросы экономики, 2007, № 10. С. 35).

Следствием сказанного является теоретический вывод, в принципе, хорошо известный, но не всегда активно используемый в рекомендациях по выработке экономической стратегии: качество социально-политических институтов в российском обществе в значительной мере предопределяет и качество экономических институтов, точнее говоря, качество политических институтов определяет степень благоприятности той среды, в которой формируются институты экономические. И если эта среда неблагоприятна, то становление институтов рыночной экономики проходит по неэффективной траектории⁹.

Теоретические подходы «университетской» школы политической экономии значительно дополняются концепциями исследователей, представляющих Институт экономики РАН. Для них характерно стремление рассмотреть параметры экономической системы сразу в контексте взаимодействия политических, социальных, цивилизационных и других факторов, принимая во внимание всю их совокупность, создающую сложный исторический фон для собственно экономических процессов.

Этот подход представлен в работах Л.И. Абалкина, который подчеркивал, что логика современного прогресса может быть описана с точки зрения исторического синтеза. Ее суть состоит в рассмотрении социально-экономических перемен на широком историческом фоне как результата соединения и переплетения глобальных тенденций развития, личных прав и свобод, социализации общественной жизни и учета своеобразия цивилизационных типов общественного устройства¹⁰.

Позднее этот вывод был развит в работах Д.Е. Сорокина¹¹ и ряда других авторов, принадлежащих к этой научной школе.

Такой подход ориентирует исследователей Института экономики РАН и их коллег из Московского университета на изучение исторической динамики экономической системы и на выяснение природы происходящих системных сдвигов.

С этой точки зрения, оказывается, *совершенно недостаточно оперировать шаблоном «продвижения России к рыночной экономике» и перечислением хрестоматийного набора присущих ей свойств в качестве рецепта решения российских проблем*¹².

⁹«Неэкономические факторы продолжают довлеть над объективными закономерностями рыночного развития, в результате чего подавлен конкурентный механизм, нередко беззащитными оказываются собственники и компании, а экономика в целом до сих пор не может выйти на адекватную информационно-технологическому этапу структуру» (Пороховский А.А. Современное развитие и экономические интересы // Вопросы политической экономии, 2013, №2(7). С. 25).

¹⁰ Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 51.

¹¹ «Реальное движение агентов экономической жизни общества определяется интегративным действием всей совокупности институтов, образующих целостность данного социума». К ним мы правомерно относим нерыночные институты гражданского общества, рыночные и государственные механизмы регулирования экономической жизни. Органическая целостность и взаимодополняемость «этих трех составляющих современного механизма регулирования экономической жизни общества порождает синергетический эффект, выражающийся в устойчивом следовании по пути реализации ценностных ориентиров данного общества, чего не может обеспечить ни одна из названной совокупности институтов» (Сорокин Д.Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Китай и Россия. М., 2003. С. 75-76, 72).

¹² Это необходимо еще и потому, что институты рыночной экономики в современную эпоху претерпели огромную эволюцию: «Современный механизм саморегулирования экономики лишь по инерции продолжает называться рыночным, по существу качественно отличаясь от классических представлений о последнем. Эти отличия настолько велики, что можно ставить вопрос о возникновении принципиально нового механизма саморегуляции» (Сорокин Д.Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Китай и Россия. М., 2003. С. 73).

2. Российская экономическая система как переходная: к позитивному синтезу итогов дискуссий

Россия оказалась в непростой исторической ситуации, когда её экономика длительный период времени находилась в состоянии перехода: распада старой экономической системы и становления новой.

Очевидно, что любая экономическая система в конечном итоге дряхлеет и разлагается, а на её место приходит новая. Но сам период перехода от одной системы к другой сопряжен со значительными проблемами. Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн справедливо подчеркивают, что такие стадии развития каждой ступени общественной эволюции «характеризуются неполнотой, отсутствием целостности, сосуществованием элементов новой и старой экономики. Поэтому период между двумя зрелыми состояниями – это и становление новой экономической системы, и одновременно нисходящее развитие старой»¹³.

Неполнота, нецелостность экономической системы в переходном состоянии чреваты значительным экономическим упадком. «Результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удастся приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширилась»¹⁴.

Это произошло в России в результате форсирования распада элементов старой, плановой экономической системы при одновременном замедлении отладки экономических отношений и институтов новой, рыночной системы. Упование на автоматизм действия рыночных саморегуляторов в условиях переходных процессов задерживало процесс становления рыночных институтов.

Ещё хуже, что экономическая политика сориентировала формирование новых экономических отношений в неверном направлении, не соответствующем сложившимся материальным, экономическим и социокультурным предпосылкам. Экономика отреагировала на неопределенность, или, более того, на искажение экономических сигналов, сжатием спроса и, соответственно, производства, укорачиванием горизонта экономических решений и отказом от долгосрочных инвестиций и высокорисковых проектов. Одновременно растет слой населения, который не может обеспечить себя достаточными доходами от экономической деятельности.

Экономическая система, продуцирующая такие социальные проблемы, как растущее неравенство доходов и углубляющееся расслоение населения по имущественному признаку, создает для себя ловушку неэффективности, поскольку подрывает главный источник развития современной экономики. Как отмечает член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг, резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала – одна из тяжелейших для России потерь за все годы реформ и с экономической, и с социальной точек зрения. По его мнению, «самая главная трагедия сегодняшнего бытия – чудовищное расслоение, когда 10% живут нормально, а 70% – выживают»¹⁵.

¹³ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000. С. 85.

¹⁴ Гринберг Р.С. Россия: экономический успех без развития и демократии? // Экономическое возрождение России, 2005, №2. С. 11.

¹⁵ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 61.

Нельзя сказать, что российские ученые обходят вниманием вопрос о том, *почему современная российская экономика никак не может решить проблему недостаточной эффективности присущих ей экономических и социальных институтов*. Именно эта постановка проблемы характерна, в частности, для представителей классического и нового институционализма. Изучая закономерности эволюции, импорта и имплантации институтов, эти направления с разных сторон приходят к постановке вопроса об исторической обусловленности тех институциональных проблем, с которыми сталкивается Россия.

Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что *для России характерна незавершенность процессов модернизации, пришедшихся практически на весь период новой и новейшей истории*: «Россия, – пишет А.А. Аузан, – как бы зависла в пространстве, когда традиционное общество уже не восстановимо, и похоже, что никто не хочет его восстанавливать, а модернизированное общество, которое связано с институтами, мы никак не можем создать. Такая прерванная модернизация продолжается века три с петровских времен»¹⁶.

Дальнейшие изыскания в этом направлении отодвигают период, в который Россия встала на неправильную траекторию институциональной эволюции, ещё дальше в прошлое: «Мы можем наблюдать не только колею, по которой движется Россия, но даже и точку, в которой была совершена ошибка первоначального институционального выбора, – XIV-XV века, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества»¹⁷.

Такая постановка проблемы заслуживает внимания хотя бы потому, что нацеливает изучение российской экономической системы на решение вопросов о том, в какой мере тот или иной институциональный выбор является произвольным, т.е. может быть интерпретирован в терминах верного или неверного решения, и о том, в какой мере решения, лежащие в историческом прошлом, могут детерминировать траекторию институционального развития в настоящем.

На иной уровень исследования – изучение не технологических, экономических или институциональных детерминант развития, а, наоборот, влияния на них *цивилизационных* (этнокультурных, социальных, идеологических и т.д.) *особенностей российского общества* – ориентируется целая группа ученых, специализирующихся на анализе специфики российского социума.

Наиболее далекоидущие выводы в этом направлении делают те, кто принадлежит к кругу ученых, работающих над проблемами *философии хозяйства*. С их точки зрения экономическая реальность не может быть постигнута вне понимания высших смыслов человеческого существования. «...В центр внимания – не так исследовательского, как откровенческого – попадает не человек, ищущий – как любое животное – потребительского удовлетворения, а человек, взыскующий смысла, но не в личной лишь, а и в коллективной, общественной, общечеловеческой экзистенции»¹⁸, – отмечает лидер этой школы Ю.М. Осипов.

¹⁶ Аузан А.А. Мы приближаемся к моменту истины нашей цивилизации // Свободный мир, 2011. Режим доступа: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Auzan-My-priblizhaemysya-k-momentu-istiny-nashej-civilizacii>

¹⁷ Аузан А.А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М., 2014. Режим доступа: <http://read.bizlib.org/aleksandr-auzan-ekonomika-vsego.html>

¹⁸ Осипов Ю.М. Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова – сто лет философии хозяйства // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. 2012, №3 (81). С. 21.

Такой методологический подход оказывается созвучен тем, кто именно в глубинах социума ищет особые, национально-специфичные устойчивые детерминанты экономического строя России, определяющие его отличие от других национальных экономических моделей. «В России действует целый ряд устойчивых факторов (причем во многом уникальных), которые оказывают существенное воздействие на экономическую систему страны. Их устойчивый, постоянный, долговременный характер позволяет характеризовать их в качестве объективных оснований специфики российской экономики»¹⁹.

Такая уникальность не исключает, однако, воздействия на экономический строй России общемировых тенденций развития. Напротив, именно в синтезе национально-специфических черт с общемировыми трендами видится путь к наиболее прогрессивному движению российской экономики: «...российский экономический строй должен представлять собой такой тип современной смешанной экономики, которому присущ регулируемый, социально-ориентированный, трудо-ориентированный, духовно-ориентированный, постиндустриально-ориентированный характер. В таком качестве он органично соединит российское своеобразие с прогрессивными тенденциями мирового развития»²⁰.

Высокая степень абстрактности таких концепций не мешает их последователям приходиться к вполне конкретным практическим выводам, во многом совпадающим с выводами в области экономической политики, которые делают сторонники иных упомянутых выше направлений: выводы о необходимости активизации роли государства, более внимательного отношения к проблемам возрождения материального производства, социальной справедливости.

Более того, следует считаться с тем фактом, что уже разработаны и выдвинуты развернутые концепции, предлагающие ту или иную ориентацию перспективной эволюции экономической системы России. Среди них можно отметить, во-первых, концепции *реиндустриализации* и *неоиндустриализации*, во-вторых, разработки, которые видят перспективу России в движении по направлению к постиндустриальному обществу на основе либеральных подходов и, в-третьих, идеи развития экономики нашей страны на основе приоритета образования, науки и культуры.

На наш взгляд, именно первый подход отвечает в наибольшей мере задачам движения России к новому качеству экономического развития.

Что касается авторского подхода к концепции новой индустриализации, то он был представлен в серии докладов Института нового индустриального развития (ИНИР), совместной разработке ИНИР и Института экономики РАН (научный доклад, представленный Экспертному совету при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, март 2013 г.), развернуто – в ряде монографий и докладе автора этого текста на Абалкинских чтениях Вольного экономического общества (ВЭО России), а также в докладе автора на пленарном заседании Московского экономического форума 2014 года и ряде статей²¹.

¹⁹ Кульков В.М. Доминанты экономического строя России / Актуальная Россия. Москва-Волгоград, 2000. С. 31.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ См., например: Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России, 2013, № 4 (38); Бодрунов С.Д. Институциональные механизмы концепции нового индустриального развития России в условиях ВТО // Экономическое возрождение России, 2013, № 4 (38); Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: возможности и ограничения. Научный доклад//Научные труды Вольного экономического общества России, №1 от 2014 (том 180), М., 2014; Бодрунов С.Д, Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России//ИНИР, СПб., 2014. – 486 с. и др.

Наш подход заключается, если коротко, в том, что базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации» (иногда применяется термин «неоиндустриализация») как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, причем – на основе нового, передового технологического уклада путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России.

На этом же Московском форуме были изложены и другие, достаточно давно вынашиваемые программы совершенствования российской экономической системы, которые должны помочь ей преодолеть нынешнее угнетенное состояние, вывести Россию из экономической стагнации²². Эти предложения исходят из факта разрыва между имеющимся в России человеческим, ресурсным и экономическим потенциалом и достигаемыми результатами: «Мы знаем, что наша страна имеет большой потенциал динамичного и долгого развития: ресурсы, люди, которые хотят работать, обширные угодья для сельского хозяйства, есть все условия для экспансии на внешний рынок. Не хватает только разумной экономической политики для того, чтобы страна вновь начала двигаться вперед»²³.

Ниже мы подробнее рассмотрим основные достижения этого подхода.

Определенный вклад в понимание специфики российской экономической системы с точки зрения её места в мировой капиталистической экономике внесли сторонники ориентации на западный опыт развития и модернизации экономики, двигающейся в постиндустриальном направлении.

Критический и вместе с тем реалистический взгляд на эту эволюцию позволяет понять, что «постиндустриализм» не выступает всеобъемлющей характеристикой мировой экономики, и тем более рановато было бы примеривать его к России. Это признали в конечном итоге даже сами сторонники этого подхода. Так, известный российский исследователь постиндустриального общества В.Л. Иноземцев отмечает: «Современный мир пока еще остается миром индустриальным. На сырье в 2009 г. приходилось 16,1% мирового товарооборота, на услуги – 18,9%, 65% занимали промышленные товары. Среди 20 крупнейших американских экспортеров 15 – индустриальные гиганты и лишь пять – технологические. Технологии – ничто, если только они не могут быть применены в промышленности и, будучи овеществлены в готовой продукции, завоевать мировые рынки. Сегодня технологии меняют облик экспорта той или иной страны не сами по себе, а как средство эффективного и массового производства индустриальных благ»²⁴.

С этой точки зрения Россия оказывается не в призрачном постиндустриальном мире грядущего, и даже не в индустриальном мире настоящего. Россией утеряны многие позиции в массовом промышленном производстве. «Страна должна стать известной рядовому потребителю, ежедневно и ежечасно сталкивающемуся с “визитными карточками” многих стран в виде этикеток на промышленных товарах. Частота упоминания государств на этих важнейших носителях информации заставляет людей во всем мире судить о значимости той или иной страны в мировой экономике, способностях и талантах ее народа. Распространение лейбла Made in Russia – вот что должно стать национальной идеей модернизирующейся России. Это – единственно значимый индикатор успеха отечественной модернизации»²⁵.

²² См., например: Бабкин К.А. Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М., 2008.

²³ Бабкин К.А. Выступление на Московском экономическом форуме-2014. Режим доступа: http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=489&group_id_4=54&m_id_4=27

²⁴ Иноземцев В.Л. Modernizatsya.ru: Made in Russia // Ведомости, 12.07.2010.

²⁵ Там же

Что касается третьего взгляда – ориентации на приоритетное развитие науки, образования и культуры, то и в ней есть определенный позитивный смысл, хотя в целом она выглядит несколько преждевременной для нашей страны. Ее авторы справедливо подчеркивают, что главной производительной силой экономики всегда был человек, а в современных условиях эта черта становится как никогда значимой. Не менее плодотворны и тезисы о том, что для современной экономики, базирующейся на высокотехнологичном производстве, необходим работник с высоким уровнем образования, причем образование это должно быть непрерывным и общедоступным, что формирование человеческих качеств есть необходимая часть общественного производственного процесса, что прогресс науки, в том числе фундаментальной, есть предпосылка любого технологического обновления, и что государственно-частная поддержка сфер, в которых формируются эти качества, в России должна быть существенно расширена. Эти тезисы содержатся в статьях А. Колганова и А. Бузгалина, опубликованных в двух номерах журнала «Социс»²⁶, и они созвучны тезисам, которые настойчиво проводят в жизнь академик РАН Б.С.Кашин и член-корр. РАО О.Н. Смолин.²⁷

Проведенный выше анализ различных подходов к пониманию природы экономической системы России, ее технологических основ, специфики хозяйства и менталитета позволяет сделать определенные выводы.

3. Российская экономическая система: состояние и перспективы развития

На наш взгляд, критический синтез существенно различающихся взглядов, рассмотренных выше, позволяет, с одной стороны, выделить ряд общих конструктивных положений, а с другой – оставить в стороне то, что, по нашему мнению, является следствием чрезмерной увлеченности тех или иных авторов именно своим специфическим ракурсом рассмотрения проблемы, будь то акцент на технологических укладах, цивилизационной специфике, реиндустриализации, приоритете образования или др.

²⁶ Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс, 2014, № 1; Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социс, 2014, № 3.

²⁷ «В первую очередь необходимо разработать «дорожную карту» целеполагания для российской науки, чтобы озадачить последнюю решением вполне определенных задач. С другой стороны, необходимо поднять статус российского ученого. А не руководствоваться фиктивными показателями качества его научного труда, которые разработали непонятные западные эксперты», – пишет Б.С. Кашин и продолжает: «Складывается такое впечатление, что властям не интересно мнение профессиональных экономистов. Видимо, нужно, чтобы приближенные представители «экспертного сообщества» лишь легитимировали то решение, которое уже принято. Получается, наука отдельно, а сфера принятия управленческих решений – отдельно. Более того, они порой оказываются враждебны друг другу. Можно сказать, что это антинаучный подход к принятию решений в социально-политической и экономической сферах» (Кашин Б.С. Философия инновационного паразитизма // Свободная пресса, 13.12.2011. Режим доступа: <http://commpart.livejournal.com/15221.html>).

О.Н. Смолин подчеркивает: «Пока не будет восстановлена система образования, Россия так и будет оставаться страной третьего мира... Либо мы должны менять экономический курс, либо национальная безопасность нашей страны, ее целостность, ее будущее окажутся под угрозой» (Смолин О.Н. Выступление на Московском экономическом форуме-2014. Режим доступа: http://me-forum.ru/media/events/plenary_discuss_I/).

К числу таких общих положений, на наш взгляд, следует отнести следующие.

Во-первых – это признание необходимости опережающего развития современного материального производства на базе технологий, типичных как минимум для 4 и 5 технологических укладов, при соответствующем обеспечении этих производств научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками и высококвалифицированными кадрами.

Во-вторых, – проведение новой индустриализации при максимально полном учете цивилизационной специфики России.

В-третьих, – выстраивание экономической политики на основе тщательного анализа реальной структуры и противоречий существующей в России экономической системы.

Наконец, – построение рекомендаций на будущее, принимающих во внимание тот факт, что в трансформационных экономиках политика и идеология оказывают существенное влияние на реализацию тех или иных экономических стратегий.

Сказанное обуславливает необходимость более пристального обращения к специфике экономической системы постсоветской России.

Проведение такого синтеза создает предпосылки для выделения основных подсистем экономической системы России.

И здесь нам придется специально подчеркнуть использование предложенной выше методологии и, в частности, системного подхода. Структура экономической системы России будет построена на основе выделения ее ключевых подсистем, которые отражают как исторические стадии формирования российского хозяйства, так и уровни его развития и, к тому же, соответствуют международнопризнанным критериям выделения этапов развития технологий и экономик.

Кроме того, анализ этой системы мы построим на базе реализации предложенной выше методологии выделения трех уровней исследования структуры экономики: во-первых, технологических укладов, во-вторых, социально-экономических отношений и экономико-правовых институтов и, в-третьих, цивилизационных и социокультурных инвариантов и трендов.

При таком подходе достаточно очевидным будет выделение *трех подсистем экономической системы России*.

Первая подсистема – *традиционно-консервативная*. Она, соответственно указанным трем уровням, включает:

(1) традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль отрасли, такие, как аграрное производство и другие «старые», растущие из XIX – начала XX века отрасли материального производства; технологические уклады, основанные на ручном и слабо индустриализированном труде; машинное производство продуктов невысокой степени переработки, куда относится сырьевой сектор;

(2) рыночные отношения, обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальных отношений и государственно-бюрократического протекционизма и патернализма;

(3) «традиционные российские цивилизационные инварианты», тяготеющие к идеологии консерватизма.

Вторая подсистема – *либерально-рыночная*. Для нее характерны:

(1) преимущественно сборочные производства, являющиеся частью сети транснациональных корпораций: торговлю, сервис, финансы, другие сферы посредничества;

(2) близкие к «классическим», хотя и существенно модифицированные российской спецификой, рыночно-капиталистические экономические отношения и институты;

(3) преимущественно либерально-западническую идеологию.

Третья подсистема – *ростки будущей новой смешанной российской экономики*, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально-ориентированного регулируемого хозяйственного развития. Эта система должна критически, преодолев основные пороки прошлого (дефицит, бюрократизм директивного планирования, уравниловку), использовать опыт советской экономической системы и сохраняющиеся до сих пор ее достижения (в том числе – в военно-промышленном комплексе) и использовать опыт таких стран, как Китай, Вьетнам и др.

Эта рождающаяся подсистема частью уже включает, частью должна включить:

(1) высокотехнологичные производства, характерные для 5-го и 6-го технологических укладов, а также кластеры, объединяющие производство, науку и образование;

(2) программирование и селективное регулирование рыночного хозяйства, государственно-частное партнерство и тому подобные смешанные формы хозяйства, интегрирующие преимущества рынка и государственного регулирования;

(3) идеологию опережающего развития на основе критической интеграции цивилизационных достижений Запада и традиционных российских ценностей.

Такая постановка проблемы отражает реально существующее положение дел в российской экономике, что несложно проиллюстрировать при помощи хорошо известной статистики.

Приводимые в приложении к докладу данные отражают в целом негативные тенденции, характеризующие структурные сдвиги в экономике России. В структуре валового внутреннего продукта (таблица 1) даже в период благоприятной экономической конъюнктуры 2000-х годов происходило сокращение удельного веса обрабатывающих производств, ослаблялась продовольственная безопасность страны, базирующаяся на внутреннем сельскохозяйственном производстве. В то же время рос удельный вес добычи полезных ископаемых, финансовой деятельности и операций с недвижимостью. К позитивным структурным сдвигам можно отнести лишь некоторое сокращение доли торговли. В то же время отрасли, от которых зависит укрепление человеческого потенциала развития, характеризовались лишь весьма вялыми тенденциями к восстановлению после провала 90-х годов. Так, удельный вес образования остался на прежнем низком уровне, а здравоохранения – лишь незначительно (на доли процента) увеличился.

Те же самые тенденции мы увидим при взгляде на распределение инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности (таблица 2). Такое распределение инвестиций закрепляет сложившуюся неэффективную структуру экономики, а не нацелено на ее совершенствование.

Если обратить внимание на динамику промышленной продукции, как за весь период реформ (таблица 3), так и за последние годы (таблица 4), то она отражает как общий упадок промышленного производства, так и примитивизацию его структуры. На этом фоне позитивно смотрится лишь рост удельного веса производства электрооборудования и электронно-оптического оборудования.

Такое состояние производственной и интеллектуальной базы экономического развития страны не может не сказываться на положении в инновационной сфере. Российская экономика характеризуется недостаточным уровнем инновационной активности практически по всем отраслям, в том числе и высокотехнологичным (рисунок 1). Что касается общего удельного веса инновационноактивных предприятий, то он стабильно остается на недопустимо низком уровне (рисунок 2).

Итак, можно констатировать, что лишь в последние годы здесь наметились некоторые позитивные тенденции, но и они пока свидетельствуют только о первых и, к сожалению, достаточно робких шагах в необходимом стране направлении развития новой индустриализации. Это направление, как мы уже отметили, имеет немалую поддержку в среде как экономистов-теоретиков, так и экономистов-практиков. Сошлемся в данном случае на авторитет директора Института экономики РАН, научного руководителя ИНИР, чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга, который не раз подчеркивал в своих выступлениях и публикациях необходимость перехода к новой экономической политике, обеспечивающей развитие

реального производственного сектора на основе прогресса смешанной, активно регулируемой государством и социально-ориентированной рыночной экономики²⁸.

Эта позиция характерна и для советника президента Российской Федерации академика С.Ю. Глазьева, который считает, что базисные отрасли нового технологического уклада на любом этапе развития обязательно требуют решающей роли государства. «Это значит, – продолжает С.Ю. Глазьев, – что мы имеем сегодня крах либеральной теории, либеральной утопии – совершенно ложного взгляда на то, как устроен мир и что нужно делать»²⁹.

Сказанное не означает, что перспективы российской экономической системы должны быть связаны исключительно с развитием 3-ей из выделенных нами подсистем. Существенные коррективы необходимы во всех блоках российской экономики.

Выделим *ключевые задачи развития применительно к трем названным выше подсистемам:*

Первая подсистема. Снижение издержек производства в аграрном и топливно-сырьевом секторе, резкое повышение инновационной активности – с тем, чтобы обеспечить необходимую базу для двух остальных подсистем, плюс факторы экономической безопасности (продовольственная независимость, доходы от топливно-сырьевого экспорта длительное время будут играть преимущественную роль). Найти сочетание со стабилизирующей ролью патриархальных и консервативных традиций.

Вторая подсистема. Восстановление массового поточного производства (естественно, в востребованных рынком суботраслях), обеспечение доступности кредитно-финансовых, страховых и прочих услуг для бизнеса, отладка конкурентных институтов, позитивное использование духа личной инициативы.

Третья подсистема. Как мы уже отметили, российская экономика характеризуется пока лишь зачатками третьей подсистемы. Однако именно она, базируясь на мобилизации интеллектуального и социального капитала нации, должна обеспечить реализацию позитивных функций первых двух подсистем через формирование инновационной среды. Только в такой среде возможна эффективная политика реиндустриализации.

Имеющийся опыт развития в данном направлении требует изучения как позитивного, так и негативного опыта участия бизнеса и государственных структур. Анализ этого опыта позволяет прийти к выводу, что реализация задач развития третьей подсистемы возможна, однако потребует существенного изменения системы экономических отношений, институтов, экономической политики и культурно-идеологических стереотипов.

Приведенные выше размышления, касающиеся специфики экономической системы России, позволяют сформулировать определенные выводы, касающиеся *перспектив развития высокотехнологического сектора материального производства и тех требований, которые эти задачи предъявляют к целям и средствам реформирования модели будущего экономической системы России.*

Конечно же, эта система формируется главным образом на основе объективных детерминант. И исследователь должен их по возможности точно отразить.

Но есть и некоторое пространство для влияния экономической политики, о чем мы специально говорили в первых разделах доклада.

²⁸ См.: Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое. // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума. / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2014. С. 15-17.

²⁹ Глазьев С.Ю. Переход на новый – гуманитарный технологический уклад // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. М., 2012. С. 23.

Что касается объективных оснований, то на уровне технологических основ экономики позитивным историческим наследием нашей страны является традиция развития прежде всего базовых отраслей материального производства, использующего сырьевые и другие природные источники нашей страны для прогресса машиностроения, авиастроения, атомно-энергетической, космической и связанных с ними отраслей, а также других высокотехнологичных сфер нашей экономики. Особенно типичным для России является приоритетное развитие экономических основ оборонного могущества страны и соответствующих высокотехнологичных производств.

Именно эта традиция, на наш взгляд, может и должна быть продлена в будущее. Для этого в России есть сохраняющийся до сих пор потенциал развития, некоторое возрождение которого началось в последние годы. Об этом говорит, например, резкий рост государственных вложений в развитие военно-промышленного комплекса.

Эта тенденция в полной мере отвечает и определяющим цивилизационным кодам России, предполагающим приоритет целого, державы по отношению к частным интересам, но при активном использовании частных инициатив предпринимателей в случае, если они отвечают задачам возрождения страны.

Мы не беремся утверждать, что это обязательно должна быть траектория развития империи, но настаиваем на том, что экономическая система должна обеспечивать развитие такого материального производства, которое будет обеспечивать полную экономическую, военную и иную безопасность страны.

Существенно, что развитие высокотехнологичного материального производства (скажем, указанных выше отраслей) предполагает возрождение разрушенной за годы реформ системы интеграции производства с наукой и образованием. Таковое требует своего осуществления на новом уровне и в принципиально новых экономических формах, использующих потенциал не только государства, но и рынка, и частной собственности, которые должны иметь и некоторую самостоятельность, будучи ориентированы не только на решение задач развития производства, но и на решение фундаментальных проблем развития технологий и человеческих качеств, решение социальных и экологических проблем.

Последнее предполагает наличие развитой системы государственного финансирования фундаментальной науки и университетского образования, наряду с государственным и частным «заказом» этим сферам, который, в свою очередь, должен быть средне- и долгосрочным.

Для реализации всех этих объективно возможных направлений развития экономики России в ней должны произойти определенные *изменения системного свойства*.

К их числу относится разработка и реализация долгосрочных программ и среднесрочных индикативных планов, а также проведение активной промышленной политики. Это не только не затормозит экспансию рыночной инициативы, но и будет ей способствовать, обеспечивая государственную поддержку наиболее современных и передовых отечественных производств и тормозя паразитическое посредничество и неадекватную экспансию ТНК в российскую экономику.

Важным средством этого может и должно стать частно-государственное партнерство, основанное на стабильной системе институтов, гарантирующих частному бизнесу возможности долгосрочных инвестиций в НИОКР и технологическое перевооружение производства.

Соответствующим образом должны быть построены и налогообложение и кредитование реального сектора, особенно – высокотехнологичного. Они призваны обеспечить стимулирование развития этих отраслей и их инновационного потенциала.

Наконец, эта система должна обеспечивать умеренный уровень социальной дифференциации, при котором вариации в доходах граждан будут зависеть главным образом от их реального вклада в развитие экономики.

Все эти параметры легко могут быть конкретизированы в виде некоторого набора программных ориентиров экономической политики, что уже отчасти проделано в работах ИНИР³⁰, экспертами Московского экономического форума³¹, группами исследователей под руководством академика С.Ю. Глазьева³², учеными, публикующими материалы по проблемам неоиндустриализации в журнале «Экономист»³³ и др.

Для нас в данном докладе важны не эти конкретные направления, а некоторые ключевые опорные точки, показывающие основы той будущей экономической системы России, которая позволит реализовать все эти конкретные шаги.

Формирование этих основ предполагает опору в стратегии создания новой модели экономической системы России на целостное решение названных выше задач, сопрягаемое с проведением соответствующей социальной, образовательной, научной и культурной политики.

Но эта проблематика уже выходит за пределы нашего доклада.

³⁰ Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013 – 680 с.

³¹ См.: Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие). – М.: ЛЕНАНД, 2014.

³² Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.

³³ Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист, 2011, №11; Губанов С.С. Державный порыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012.

Таблица 1.

Структура ВВП России, в %.

	2002	2011	2012	2012-2011 (п.п.)	2012-2002 (п.п.)
ВВП в рын. ценах	100	100	100		
Сельское хозяйство и прочее	5,3	3,5	3,1	-0,4	-2,2
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2	0,2	0	-0,1
Добыча полезных ископаемых	5,9	9,2	9,3	0,1	3,4
Обрабатывающие производства	15,2	13,2	13	-0,2	-2,2
в т.ч. нефтепереработка и кокс	1,8	3	3	0	1,2
Электроэнергетика и прочее	3,2	3,3	3	-0,3	-0,3
Строительство	4,7	5,6	5,5	0	0,8
Торговля и прочее	20,2	16,7	16,9	0,1	-3,4
Гостиницы и рестораны	0,8	0,8	0,8	0	0
Транспорт и связь	9	7,1	7	-0,1	-2,1
Финансовая деятельность	2,6	3,5	3,7	0,2	1,1
Недвижимость, аренда	9,4	10,1	10,1	0	0,7
Госуправление и оборона	4,5	4,8	5,6	0,8	1,1
Образование	2,6	2,5	2,6	0,1	0
Здравоохранение	3	3,1	3,3	0,2	0,4
Прочие соц. услуги	1,7	1,4	1,4	0	-0,3
Чистые налоги на продукты	11,5	14,9	14,5	-0,3	3

Таблица 2.

Структура инвестиций в основной капитал
(по видам экономической деятельности, без неформальной экономики, в % к итогу) в
2008-2012 годах.

Наименование показателя	2008	2009	2010	2011	2012
Объем инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям, всего (%)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	11,2	10,1	9,6	12,92	11,6
Добыча полезных ископаемых	0,2	0,4	0,2	0,58	0,5
Обрабатывающие производства	27,7	21,5	13,4	23,23	28,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	10,3	8,4	11,0	12,09	17,1
Строительство	1,5	0,7	1,0	1,09	0,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	1,4	5,5	1,8	3,47	1,8
Гостиницы и рестораны	0,4	0,3	0,3	0,69	0,6
Транспорт и связь	14,8	13,7	24,2	18,14	14,1
Финансовая деятельность	1,5	1,5	1,9	1,53	1,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	8,6	9,9	19,9	10,01	9,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	5,4	4,2	4,7	2,51	1,9
Образование	2,7	3,8	2,0	2,64	4,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,4	10,6	6,5	5,57	3,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	8,9	9,5	3,6	5,52	3,9

Таблица 3.

Динамика производства продукции промышленности
в 1991-2010 гг.

Наименование показателя	2010г. к 1991г., %
Общэкономические показатели	
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	83,8
Индексы производства по видам экономической деятельности разделов С, D, E ОКВЭД (в % к пред. году, с учетом поправки на неформальн. деятельность)	
добыча полезных ископаемых	108,8
обрабатывающие производства	78,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	89,1
Добыча полезных ископаемых	
Добыча угля, млн. т	91,2
Добыча нефти, включая газовый конденсат, млн. т	109,5
Добыча газа природного и попутного, млрд. м ³	101,2
Обрабатывающие производства	
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	
Производство готового проката черных металлов, млн. т	104,7
Трубы стальные, млн. т	87,6
Производство отдельных видов машин и оборуд.	
Производство холодильников и морозильников бытовых, тыс. шт.	95,9
Производство металлорежущих станков, тыс. шт.	4,1
Производство транспортных средств и оборуд.	
Производство легковых автомобилей, тыс.шт.	117,5
Производство автокранов, тыс. шт.	22,5
Произв-во вагонов грузовых магистральных, тыс. шт.	225,4
Производство и распределение электроэнергии	
Производство электроэнергии, млрд. кВт·ч	97,2
Потребление электроэнергии, млрд. кВт·ч	96,6

Таблица 4.

Структура отгруженной продукции, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности, % к общему объему промышленного производства.

	2008	2009	2010	2011	2012
Итого по разделам	100	100	100	100	100
Добыча полезных ископ.	0,4	0,5	0,5	0,4	0,5
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2
Добыча полезных ископ., кроме топливно-энергетических	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4
Обрабат. производства	82,0	78,3	79,5	81,4	81,9
Производство пищ. прод., включая напитки, и табака	12,1	15,8	14,3	12,5	14,0
Текстильн. и швейное производство	0,8	0,8	0,7	0,6	0,7
Производство кожи, изделий из кожи и обуви	1,1	1,3	1,3	1,2	1,5
Обработка древесины и произв. изделий из дерева	4,9	5,1	6,5	6,5	6,2
Целлюлозно-бумажное производ., издат. и полиграфич. деятельность	2,2	2,0	2,0	1,7	1,9
Химическое производство	20,9	17,2	17,6	20,4	20,4
Производство резиновых и пластмассовых изделий	6,2	6,0	6,7	7,6	3,8
Производство прочих неметаллич. минеральных продуктов	2,6	2,0	1,5	1,6	1,8
Металлургич. производство	11,0	8,2	10,0	9,9	9,8
Производство машин и оборуд. (без произв. оружия и боеприпасов)	3,5	3,8	4,3	3,5	3,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	4,5	4,4	5,0	5,8	7,1
Производство транспортных средств и оборудования	4,0	4,3	3,3	3,8	4,8
Прочие производства	6,3	5,8	5,1	4,8	5,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	17,6	21,2	20,0	18,2	17,6

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций промышленного производства по видам экономической деятельности: 2011

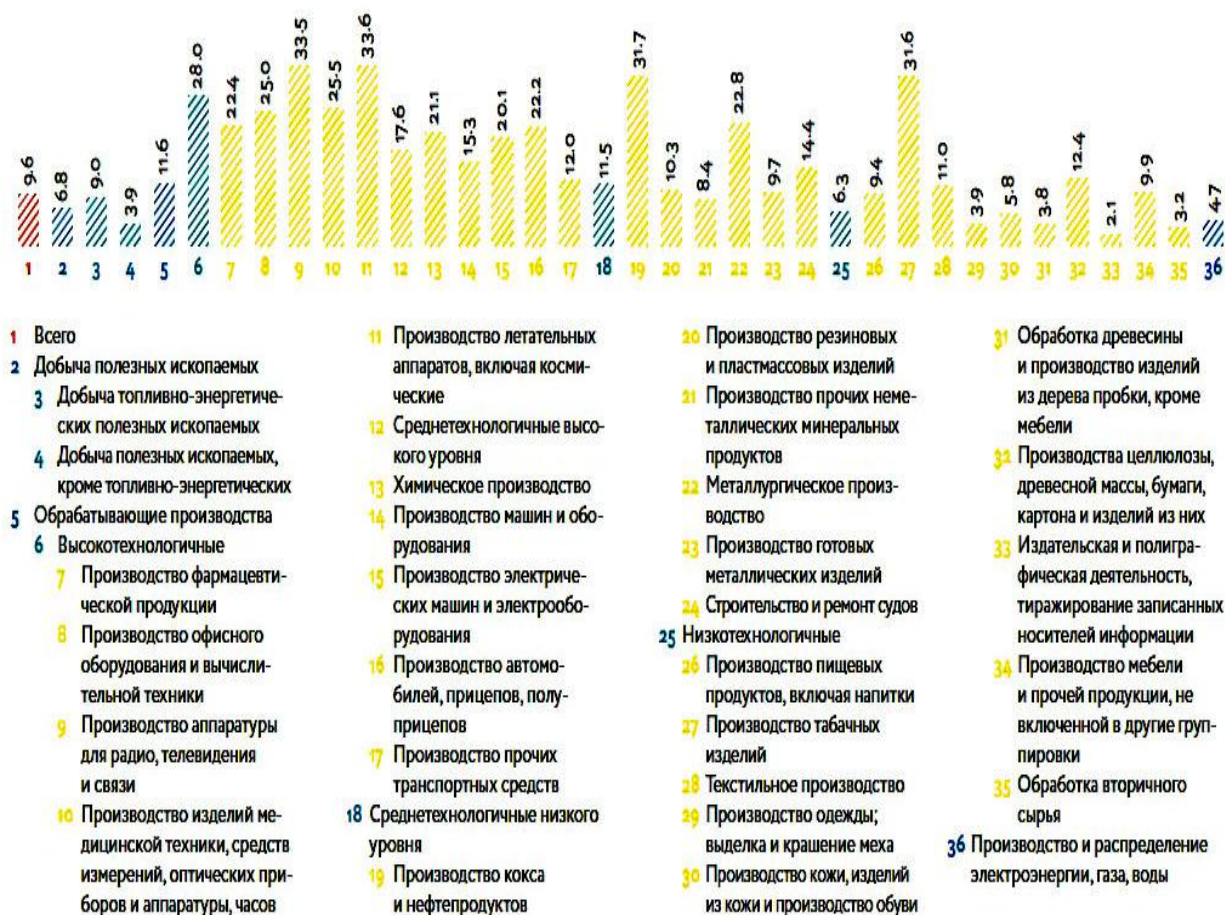

Рис. 1.

Источник: <http://www.hse.ru/data/2013/10/28/1282559304/Skolkovo%20Booklet.pdf>

Уровень инновационной активности промышленных предприятий в России остается стабильно низким

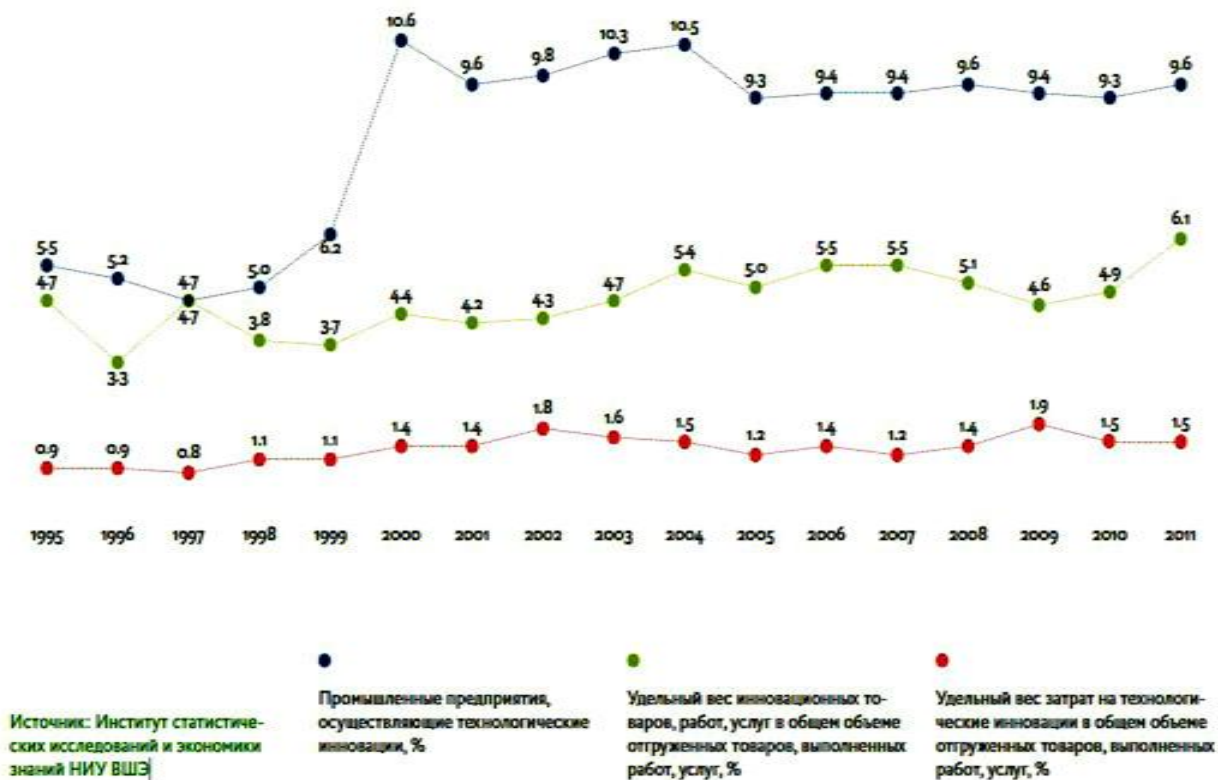

Рис. 2.

Источник: <http://www.hse.ru/data/2013/10/28/1282559304/Skolkovo%20Booklet.pdf>

Рекомендованный список литературы

1. Абалкин Л.И. Россия: Поиск самоопределения: очерки. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 51.
2. Аузан А.А. Мы приближаемся к моменту истины нашей цивилизации // Свободный мир, 2011.
3. Аузан А.А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М., 2014.
4. Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб, 2013. – 34 с.
5. Бодрунов С.Д. Модернизация России: новая индустриализация, новая модель экономического роста, новая модель развития общества, новая идеология / С.Д. Бодрунов // Актуальные проблемы экономики современной России: сборник научных трудов. Научное издание. Выпуск 9. / Под ред. А.А. Оводенко. – СПб.: ГУАП, 2013. – 202 с.: ил. С. 15-30.
6. Бодрунов С.Д. Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов // Монография / Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 172 с.
7. Бодрунов С.Д. Модернизация России – политический лозунг дня / С.Д. Бодрунов // «Экономика. Налоги. Право», № 2, 2013. С. 13-15.
8. Бодрунов С.Д. Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, №1(35), 2013. С. 4-12.
9. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России, №1(35), 2013. С. 19-49.
10. Бодрунов С.Д. Возможности и проблемы реиндустриализации / С.Д. Бодрунов // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Выпуск XVI. Сб. науч. труд. под ред. Бодрунова С.Д. – СПб.: ИНИР, 2012-2013 – 512 с. С. 59-71.
11. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, вызовы и приоритеты / С.Д. Бодрунов // «Право интеллектуальной собственности», №3(29), 2013. С. 13-15.
12. Бодрунов С.Д. Институциональные механизмы концепции нового индустриального развития России в условиях ВТО / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 2(36), 2013. С. 13-17.
13. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России / С.Д. Бодрунов // Монография / М.: Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 680 с.
14. Бодрунов С.Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России, № 4(38), 2013. С. 4-25.
15. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности, ориентиры, императивы, ограничения, риски / С.Д. Бодрунов // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2013. – 37 с.
16. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения /С.Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России, № 1/2014 (Том сто восьмидесятый), Москва, 2014. С. 15-46.
17. Бодрунов С.Д., Лопатин В.Н. Стратегия и политика реиндустриализации для инновационного развития России / С.Д. Бодрунов, В.Н. Лопатин // Институт нового индустриального развития (ИНИР). СПб., 2014. – 486 с.
18. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация России: возможности и ограничения / С.Д. Бодрунов // Реиндустриализация. Круглый стол ВЭО России / «Мир новой экономики», №1, 2014. С. 11-26.

- Бодрунов С.Д. Наука и образование новой экономики / С.Д. Бодрунов // «Город 812», № 20 (262), 16 июня 2014. С. 25-26.
20. Бодрунов С.Д. «Кнуты и пряники» новой экономической доктрины / С.Д. Бодрунов // «Российская Федерация сегодня», №12, июнь 2014. С. 18-19.
21. Бузгалин А.В. Справедливость как предпосылка свободы и эффективности / А.В. Бузгалин // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 28-48.
22. Воейков М.И. Экономическая теория, социальная демократия и исторический опыт России. «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 4-7.
23. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист, 2008, № 9, с. 3-27.
24. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – Москва: «Книжный мир», 2012.
25. Губанов С.С. Системные ответы на вопросы развития России // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады. Материалы Второго Международного форума. – Москва, 12-13 ноября 2013. – Под редакцией академика Н.Я. Петракова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013. – С. 118-130.
26. Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист, 2011, №11.
27. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000.
28. Гринберг Р.С. Россия: экономический успех без развития и демократии? // Экономическое возрождение России, 2005, №2.
29. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012.
30. Гринберг Р.С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое. // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора.
31. Гринберг Р.С. Современная политическая экономия: экономическая свобода и социальная справедливость / Р.С. Гринберг // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С.22-27.
32. Глазьев С.Ю. Переход на новый – гуманитарный технологический уклад // Модернизация российской экономики. Уроки прошлого, шансы, риски. М., 2012.
33. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
34. Дзарасов Р.С. Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? / Р.С. Дзарасов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 29-60.
35. Иноземцев В.Л. Modernizatsya.ru: Made in Russia // Ведомости, 12.07.2010.
36. Кашин Б.С. Философия инновационного паразитизма // Свободная пресса, 13.12.2011.
37. Колганов А.И. Тезисы к разработке стратегии развития России / А.И. Колганов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С.8-19.
38. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс, 2014, № 1.
39. Колганов А.И., Бузгалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Polemicheskie zametki o tsel'evykh akcentakh альтернативной социально-экономической стратегии // Социс, 2014, № 3.
40. Кульков В.М. Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции / В.М. Кульков // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. 2014. № 1. С. 81-93.

41. Кульков В.М. Доминанты экономического строя России / Актуальная Россия. Москва-Волгоград, 2000. С. 31-35.
42. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы, 1986, № 5.
43. Некипелов А.Д. Кризис общей экономической теории: вызовы политэкономии будущего / А.Д. Некипелов // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С. 20-21.
44. Осипов Ю.М. Столетие «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова – сто лет философии хозяйства // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. 2012, №3 (81).
45. Пороховский А.А. Современное развитие и экономические интересы // Вопросы политической экономии, 2013, №2 (7).
46. Пороховский А.А. Реализация экономических интересов – основа модернизации / А.А. Пороховский // Сборник «Инновационное развитие экономики России: институциональная среда», серия «Четвертая Международная конференция». М.: ТЕИС, 2011.
47. Радаев В.В., Бузгалин А.В. Экономика переходного периода. М., 1995. С. 48-49.
48. Рудык Э.Н. Национализация, социализация, демократизация власти / Э.Н. Рудык // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал, вып. 1 (78) – М.: редакция журнала «Альтернативы», 2013. С.92-120.
49. Сорокин Д.Е. Политико-экономические ориентиры институциональной трансформации / Китай и Россия. М., 2003.
50. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 40, см. также с. 41-53, 68.
51. Шевченко В.Н. Левое измерение современного российского общества / В.Н. Шевченко // «Альтернативы»: Теоретический и общественно-политический журнал. Вып. 1 (78) – М.: Редакция журнала «Альтернативы», 2013. С.61-74.
52. Цаголов Г.Н. Почему все не так. М.: Экономика. 2012. 462 с.
53. Материалы Московского экономического форума. / Под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бузгалина. – М.: Культурная революция, 2014. С. 15-17.

Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / Материалы заседания Научного совета МГУ им. М.В. Ломоносова по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития. Москва, Экономический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 5 июня 2014 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) (под общ. ред. С.Д. Бодрунова) / СПб.: ИНИР, 2014. – 91 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 7.07.2014.
Тираж 1000 экз. 91 с.
Заказ № 2600433

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16